

ЮДЖИН РОГАН

ПАДЕНИЕ
ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
1914–1920

Юджин Роган

**Падение Османской империи:
Первая мировая война на
Ближнем Востоке, 1914–1920**

«Альпина Диджитал»

2015

Роган Ю.

Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920 / Ю. Роган — «Альпина Диджитал», 2015

ISBN 978-5-9614-4974-7

В 1914 году европейские державы неумолимо сползали к войне, затягивая с собой в воронку этого разрушительного конфликта весь Ближний Восток. В своей книге Юджин Роган представляет историю Первой мировой войны, раскрывая последствия, к которым она привела на Ближнем Востоке, и ту решающую – но малоизвестную у нас – роль, которую сыграл в ней регион. Известный британский историк живо и увлекательно рассказывает о политических интригах и военных баталиях, развернувшихся на османских землях от Галлиполийского полуострова до Аравии. В отличие от окопной войны на Западном фронте, на Ближнем Востоке боевые действия носили динамичный и непредсказуемый характер. Прежде чем военная fortuna повернулась лицом к державам Антанты, турки нанесли им сокрушительные поражения на Галлиполийском полуострове, в Месопотамии и Палестине. Послевоенное урегулирование привело к разделу Османской империи и заложило основу тех непримиримых противоречий, которые по сей день раздирают арабский мир. Эта книга обязательна к прочтению всем, кто хочет понять историю Первой мировой войны и феномен сегодняшнего Ближнего Востока.

ISBN 978-5-9614-4974-7

© Роган Ю., 2015

© Альпина Диджитал, 2015

Содержание

Примечание для читателя	8
Предисловие	9
Карты	14
1. Революция и три войны 1908–1913 гг.	21
2. Мир перед Великой войной	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47
Комментарии	

Юджин Роган
Падение Османской империи:
Первая мировая война на
Ближнем Востоке, 1914–1920

Юджин Роган

ПАДЕНИЕ
ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ

Первая мировая война
на Ближнем Востоке,
1914–1920

Перевод с английского

Переводчик *Ирина Евстигнеева*
Научный редактор *Артем Космарский*
Редактор *Наталья Нарциссова*
Руководитель проекта *А. Тарасова*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Корректоры *Е. Чупахина, Е. Сметанникова*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*

© Eugene Rogan, 2015

The moral right of the author has been asserted

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Эта книга посвящается Изабель Туй Вудс Роган

Примечание для читателя

В начале XX века Османскую империю по сложившейся традиции называли Турцией. Однако это название игнорировало этническое и религиозное многообразие империи, где арабы, курды, греки и армяне составляли такую же значимую часть османской общности, как и турки. Чтобы избежать нудного повторения слова «османский», в этой книге я употребляю слова «османский» и «турецкий» как взаимозаменяемые, особенно в отношении армии. В тех же случаях, когда мне нужно указать на какую-либо этническую или религиозную общину, не относящуюся к турецкому большинству, я использую термины «османские арабы» или «османские армяне».

Что касается городов Османской империи, то я, как правило, прибегаю к их современным турецким, а не классическим европейским названиям. Например, я пишу «Стамбул», а не «Константинополь», «Измир», а не «Смирна», и «Трабзон», а не «Трапезунд». Таким образом читателям легче найти эти города на современных картах. По той же причине я использую принятое на Западе написание названий арабских городов – например, Бейрут, Дамаск, Мекка и Медина, а не Байрут, Димашк, Макка и Мадина.

Предисловие

Младший капрал Джон Макдональд погиб на Галлиполийском полуострове 28 июня 1915 года. Ему было 19 лет, и он был моим двоюродным дедом.

Ничто в жизни Джона Макдональда не предвещало того, что он найдет смерть вдали от дома. Он родился в маленькой шотландской деревушке недалеко от Перта и учился в школе в соседнем городке Доллар, где познакомился с Чарльзом Бевериджем, который стал его лучшим другом. В 14 лет они вместе бросили школу и начали искать работу. Двое друзей переехали в Глазго, где устроились в Северную британскую локомотивную компанию. Когда летом 1914 года в Европе разразилась война, Беверидж и Макдональд вместе записались в полк Шотландских стрелков (которых также называли «Камеронцы»). Рвущиеся в бой новобранцы 8-го полка Шотландских стрелков всю осень занимались военной подготовкой, завидуя своим соотечественникам, которые уже воевали во Франции. Только в апреле 1915 года их батальон получил приказ об отправке на фронт – но не во Францию, а в Турцию.

Семнадцатого мая 1915 года Макдональд и Беверидж попрощались с семьями и друзьями и вместе со своим батальоном отплыли на греческий остров Лемнос, который служил плацдармом для британских и союзных войск перед отправкой на Галлиполийский полуостров. Всего месяц спустя после высадки союзного десанта на Галлиполи, 29 мая, они вошли в Мудросскую гавань на Лемносе, где увидели огромную армаду боевых кораблей и транспортных судов. Молодые новобранцы были поражены видом громадных дредноутов и супердредноутов. На многих судах виднелись следы тяжелых боев в Дарданеллах – корпуса пробиты турецкими снарядами, трубы искорежены.

Шотландцам дали две недели на то, чтобы привыкнуть к жаркому восточно-средиземноморскому лету, прежде чем идти в бой. В середине июня они отплыли из Мудросской гавани под приветственные крики солдат и матросов с палуб других судов. Только те, кому уже довелось быть на Галлиполи и кто знал, что ожидало молодых новобранцев, воздержались от приветствий. «Когда мы проплывали мимо судна с ранеными и больными австралийцами, – вспоминал один камеронец, – кто-то из наших бойцов прокричал им популярный в те времена девиз: "Разве мы пали духом? Нет!" И когда один австралиец крикнул в ответ: "Так скоро падете!" – наши парни опешили, хотя и восприняли его слова как шутку»^[1].

Четырнадцатого июня батальон высадился на берег и четыре дня спустя был переброшен на передовую у Овражистого яра (Зигиндере, неподалеку от мыса Геллес). Под непрекращающимся артиллерийским и пулеметным огнем, которым был печально известен Галлиполийский фронт, камеронцы стали нести в траншеях первые потери. К тому моменту, когда они получили приказ идти в атаку на турецкие позиции, от их юношеского энтузиазма не осталось и следа. Как вспоминал один офицер: «Было ли то предчувствием или же просто напряжением из-за осознания той ответственности, которая отныне легла на их плечи, но я не чувствовал среди своих солдат ни бодрости духа, ни веры в победу»^[2].

Двадцать восьмого июня атаке британской пехоты предшествовали два часа артиллерийского обстрела из корабельных орудий. По словам очевидцев, это не дало никакого результата – обстрел был слишком слабым, чтобы заставить решительно настроенных османских солдат покинуть свои оборонительные позиции. Штурм начался ровно в 11 часов утра. Как и на Западном фронте, солдаты выбрались из окопов под визгливые звуки свистков. Перебравшись через бруствер, камеронцы попали под шквальный огонь со стороны турецких траншей. В течение пяти минут батальон шотландских стрелков был почти полностью уничтожен. Джон Макдональд скончался от полученных ран в полевом госпитале и был похоронен на Ланкаширском кладбище. Чарльза Бевериджа сразила пуля, вне досягаемости для санитаров. Его останки нашли только после заключения перемирия в 1918 году, когда его кости уже невоз-

можно было отличить от костей других погибших рядом солдат. Он был похоронен в братской могиле, и его имя выгравировано на огромном обелиске на мысе Геллес.

Трагическая судьба камеронцев потрясла их семьи и друзей в Шотландии. Школа «Доллар академи» опубликовала в осеннем выпуске школьного журнала некролог о Джоне Макдональде и Чарльзе Беверидже. В статье написали об их дружбе: «Они вместе учились, вместе работали, вместе записались в армию и даже вместе встретили смерть... Это были достойнейшие молодые люди, и они нашли достойную смерть на поле боя». В некрологе выражалось также глубокое и искреннее сочувствие их родителям.

Но горе оказалось сильнее, чем те могли вынести. Через год после гибели своего единственного сына чета Макдональдов приняла решение эмигрировать из Шотландии в Соединенные Штаты. В июле 1916 года, когда немецкие подводные лодки ненадолго прервали свою «неограниченную подводную войну», они вместе с двумя дочерьми сели на корабль с мучительным для них названием «Камерония» и отплыли в Нью-Йорк. В Шотландию, откуда их сын ушел на войну, они никогда больше не вернулись. В конце концов семья осела в штате Орегон, где позже моя бабушка по материнской линии вышла замуж и родила мою мать и моего дядю. В какой-то мере они и все их потомки, включая меня, появились на свет благодаря преждевременной смерти Джона Макдональда.

Моя личная связь с Первой мировой войной вовсе не уникальна. Опрос, проведенный в 2013 году в Великобритании агентством YouGov, показал, что у 46 процентов британцев члены семьи или близкие друзья семьи воевали на фронтах этой войны. Такие личные связи объясняют устойчивый интерес к Первой мировой, сохраняющийся на Западе на протяжении вот уже целого столетия. В странах, которые оказались втянутыми в этот конфликт, очень мало семей осталось не затронуто им^[3].

Я узнал историю своего двоюродного деда в 2005 году, когда готовился к поездке на Галлиполийский полуостров. Моя мать Маргарет, мой сын Ричард и я – представители трех поколений – стали первыми за без малого 100 лет членами семьи, посетившими могилу Джона Макдональда. Пробираясь по извилистым тропам Галлиполийского полуострова к кладбищу на месте высадки Ланкаширского десанта, мы случайно свернули не в том месте и вышли к мемориалу Нури Ямут, установленному в честь османских солдат, погибших 28 июня – в том же сражении, которое унесло жизни моего двоюродного деда и его друга.

Этот памятник турецким солдатам, погибшим в битве у Овражистого яра (или в битве у Зигиндере, как называют ее турки), стал для меня настоящим откровением. Тогда как полк, где служил мой двоюродный дед, потерял 1400 человек убитыми и ранеными – половину своего личного состава, – а общие потери британцев составили 3800 человек, турки потеряли в этом сражении 14 000 человек. Мемориал Нури Ямут – это братская могила, где под общей мраморной плитой с простой надписью «Приняли мученическую смерть в 1915 г.» погребены эти тысячи павших османских солдат. Во всех прочитанных мною книгах то сражение с участием камеронцев описывалось как кровавая бойня, приведшая к напрасной гибели сотен британских солдат. Ни один из англоязычных источников не упоминал о тысячах турок, погибших в том же бою. Для меня было потрясением узнать, что в тот день, 28 июня, не только семьи в Шотландии, но и в десятки раз больше турецких семей потеряли своих близких.

Я покинул Галлиполийский полуостров, пораженный тем, как мало мы на Западе знаем об участии турецкого и арабского народов в Первой мировой войне. Все англоязычные книги, посвященные ближневосточным фронтам, отражают исключительно опыт союзных войск. Галлиполийская кампания неизменно представляется как «фиаско Черчилля», эпизод в Эль-Куте (Кут-эль-Амаре) – как «капитуляция Таунсенда», легендарный Лоуренс Аравийский – как главный вдохновитель арабского восстания, а рассказы о Месопотамской и Палестинской кампаниях завершаются торжественным описанием «вступления генерала Мода в Багдад» и «вступления генерала Алленби в Иерусалим» соответственно. Стремясь порвать с иерархиче-

ским подходом официальной истории, социальные историки изучают дневники и письма простых солдат, хранящиеся в архивах Имперского военного музея в Лондоне, Австралийского военного мемориала в Канберре и библиотеки Александра Тернбулла в Веллингтоне. За 100 лет исследований мы воссоздали исчерпывающую картину Первой мировой войны глазами солдат Антанты, но только начинаем делать попытки взглянуть на эту войну с другой стороны линии фронта – глазами османских солдат, вынужденных отчаянно сражаться против самых могущественных мировых держав.

На самом деле взглянуть на ближневосточные фронты из османских окопов – довольно непростая задача. Несмотря на десятки военных дневников и мемуаров, опубликованных на турецком и арабском, мало кто из западных историков владеет этими языками, чтобы прочитать свидетельства очевидцев, и лишь очень малая часть этих первоисточников переведена на английский язык. Архивные материалы еще менее доступны. В Архиве дирекции военной истории и стратегических исследований Генерального штаба (Askeri Tarih ve Stratejik Etüt Başkanlığı Arşivi, сокращенно ATASE) хранится крупнейшее собрание оригинальных документов времен Первой мировой войны. Однако доступ в ATASE строго контролируется. Поскольку архив функционирует при Генштабе, ученые должны проходить проверку на благонадежность, которая может растянуться на несколько месяцев – и зачастую заканчивается отказом. Значительная часть этого архива закрыта для исследователей, а копирование доступных материалов жестко ограничено. Тем не менее ряд турецких и западных ученых получили доступ к этим бесценным свидетельствам и начинают публиковать важные исследования участия Османской империи в Первой мировой войне. Что же касается других государств Ближнего Востока, то в большинстве из них национальные архивы были созданы уже после войны, да и те придают мало значения сбору материалов, посвященных этому периоду истории^[4].

Игнорирование Первой мировой войны, характерное для арабских архивов, находит отражение и в арабском обществе в целом. В отличие от Турции, которая чтит память своих погибших солдат многочисленными обелисками на Галлиполийском полуострове и ежегодными мемориальными торжествами, на бывших арабских территориях империи вы не найдете ни одного военного мемориала. Хотя почти все современные арабские государства так или иначе участвовали в Первой мировой войне, в сознании их народов этот конфликт остался чужой войной – временем страданий, навязанных ему слабеющей Османской империей и фанатичным младотурецким правительством. В арабском мире Первая мировая война породила не героев, а мучеников – таких как арабские активисты, которые были повешены на центральных площадях Бейрута и Дамаска, впоследствии переименованных в «Площади мучеников».

Сегодня настало время дать заслуженную оценку событиям, происходившим на Османском фронте, как в свете истории Первой мировой войны, так и в свете истории современного Ближнего Востока. В конце концов именно вступление Османской империи в войну больше, чем что-либо другое, способствовало тому, что общеевропейский конфликт перерос в мировую. В отличие от мелких стычек на Дальнем Востоке и в Восточной Африке, на Ближнем Востоке велись тяжелейшие сражения на протяжении всех четырех лет войны. Кроме того, ближневосточные фронты были самыми интернациональными – на них воевали австралийцы и новозеландцы, представители буквально всех народностей Южной Азии и Северной Африки, сенегальцы и суданцы, французы и англичане, уэльсцы, шотландцы, ирландцы, а также турки, арабы, курды, армяне, черкесы и, наконец, немцы и австрийцы. Османский фронт был настоящим Вавилонским столпотворением, где в бою сошлись армии со всех концов света.

Большинство военных стратегов Антанты отводили Османскому фронту второстепенную роль в сравнении с главным театром военных действий на Западном и Восточном фронтах. Влиятельные фигуры в британском военном кабинете, такие как Герберт Китченер и Уинстон Черчилль, лоббировали вступление в войну с турками, ошибочно исходя из уверенности, что быстрая победа над «самым слабым звеном» – Османской империей – позволит ускорить капи-

туляцию Центральных держав. Однако недооценка противника привела к тому, что государства Антанты были вынуждены втянуться в крупномасштабные военные кампании – на Кавказе, в Дарданеллах, Месопотамии и Палестине, – которые отвлекли колоссальные ресурсы с Западного фронта и лишь отсрочили окончание войны.

Неудачи союзников на Османском фронте спровоцировали серьезные политические кризисы во внутренней политике. Провал Дарданелльской кампании заставил британского премьер-министра от Либеральной партии Герберта Асквита в мае 1915 года создать коалиционное правительство с консерваторами, а в следующем году и вовсе уйти в отставку. Сокрушительные поражения британских войск на Галлиполи и в Месопотамии привели к созданию двух парламентских комиссий по расследованию. Доклады, подготовленные этими комиссиями, пошатнули карьеры многих ключевых политических и военных деятелей.

Если вступление Османской империи в европейский конфликт трансформировало его в мировую войну, то эта война, в свою очередь, привела к радикальной трансформации всего Ближнего Востока. Ни одна часть этого региона не избежала ее разрушительного воздействия. Военная мобилизация охватила все турецкие и арабские провинции Османской империи, а также европейские колонии Северной Африки. Сотни тысяч мужчин ушли на фронт, а оставшееся мирное население было обречено на невероятные тяготы и лишения, эпидемии и голод. Военные действия велись на территориях таких современных государств, как Египет, Йемен, Саудовская Аравия, Иордания, Израиль и земли Палестины, Сирия, Ливан, Ирак, Турция и Иран. Большинство этих стран обрели государственность вследствие падения Османской империи после окончания Первой мировой войны.

Распад Османской империи стал эпохальным событием. На протяжении своего более чем шестивекового существования она была величайшей исламской империей в мире. Основанный в конце XIII века племенами Центральной Азии Османский султанат бросил вызов Византийской империи в Малой Азии и на Балканах, а после того, как султан Мехмед II завоевал в 1453 году византийскую столицу Константинополь, превратился в самую могущественную державу Средиземноморья.

Сделав Константинополь (впоследствии переименованный в Стамбул) своей столицей, османы продолжили завоевания. В 1516 году Селим I разгромил войска Мамлюкского султана (со столицей в Каире) и присоединил к Османской империи Сирию, Египет и провинцию Хиджаз на Красном море. В 1529 году султан Сулейман Великолепный, сеявший страх по всей Европе, подступил к стенам Вены. Османы завоевывали новые земли до тех пор, пока победа христианского войска в последней битве за Вену в 1683 году не положила конец их экспансии в Европу. К этому времени Османская империя располагалась на трех континентах, ей принадлежали Балканы, Малая Азия (которую турки называют Анатолией), Черное море и большая часть арабских земель от Ирака до границ Марокко.

В течение следующих двух веков османы постепенно сдавали свои позиции перед быстро развивающейся Европой. Они начали проигрывать войны своим соседям – Российской империи, которой правила императрица Екатерина II, и Габсбургской империи – ее столицей была Вена, едва не ставшая когда-то турецкой. Начиная с 1699 года границы Османской империи стали сужаться под напором внешних врагов. В начале XIX века османы начали терять территории из-за подъема националистического движения в своих провинциях на Балканах. После восьмилетней войны против османского господства (1821–1829) первой добилась независимости Греция. Румыния, Сербия и Черногория обрели независимость в 1878 году, и примерно в то же время османы утратили Боснию, Герцеговину и Болгарию.

Великие державы продолжали отрезать куски от османского территориального пирога – с 1878 по 1882 год Британия оккупировала Кипр и Египет, в 1881 году Франция захватила Тунис, а в 1878 году Россия аннексировала три османские провинции на Кавказе. Принимая во внимание все внутренние и внешние территориальные угрозы, в начале XX века эксперты

в вопросах международной политики предсказывали неизбежную гибель Османской империи. Однако группа патриотически настроенных молодых офицеров, называвших себя младотурками, считала, что империя может быть возрождена с помощью конституционной реформы. В 1908 году они предприняли попытку спасти государство, подняв восстание против самодержавной власти султана Абдул-Хамида II (правившего с 1876 по 1909 год). С приходом младотурок к власти Османская империя вступила в период беспрецедентной турбулентности и в конечном итоге была втянута в свою последнюю и самую разрушительную войну.

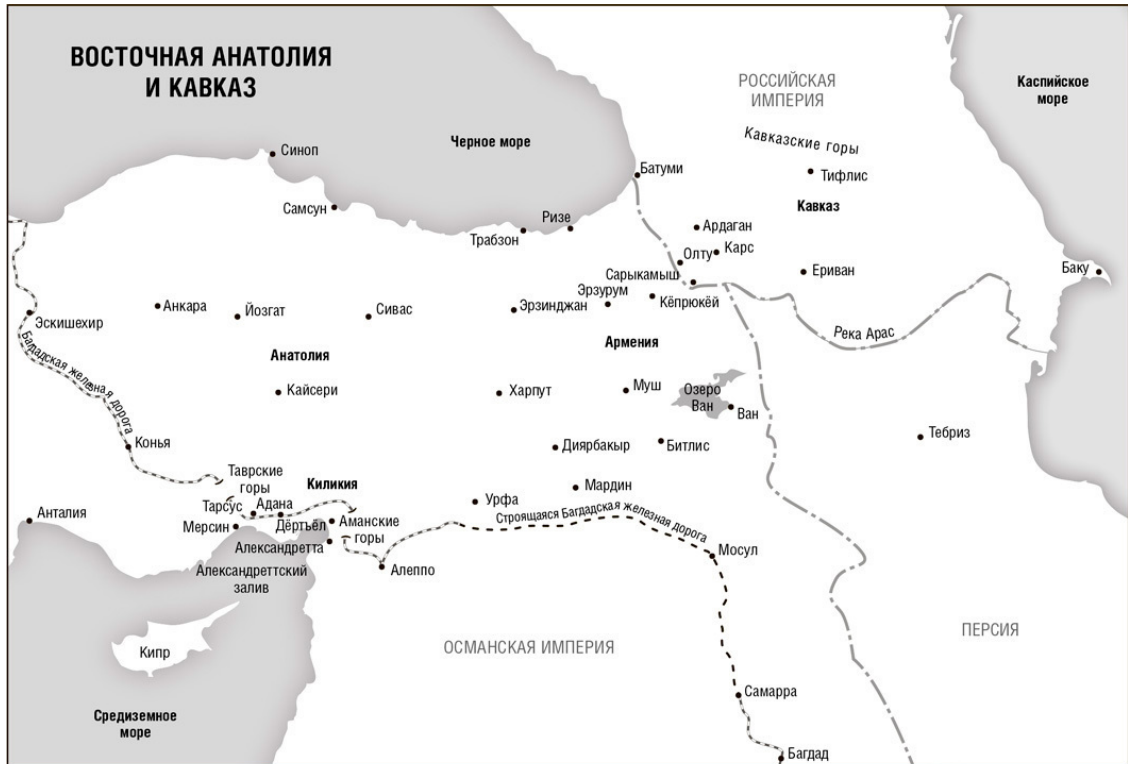
Карты

- Карта 1. Средиземноморье в 1914 году
- Карта 2. Восточная Анатолия и Кавказ
- Карта 3. Галлиполийская кампании
- Карта 4. Египет и Синай
- Карта 5. Месопотамия, Аден и Хиджаз
- Карта 6. Сирия, Палестина и Трансиордания

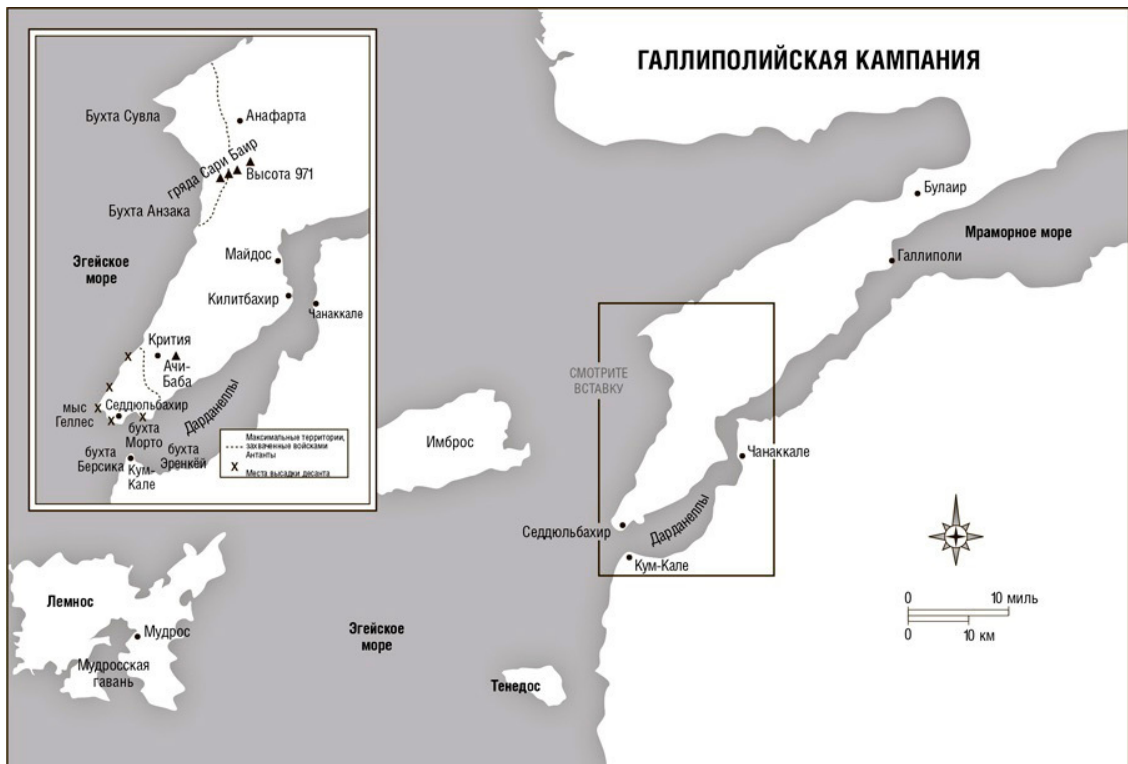

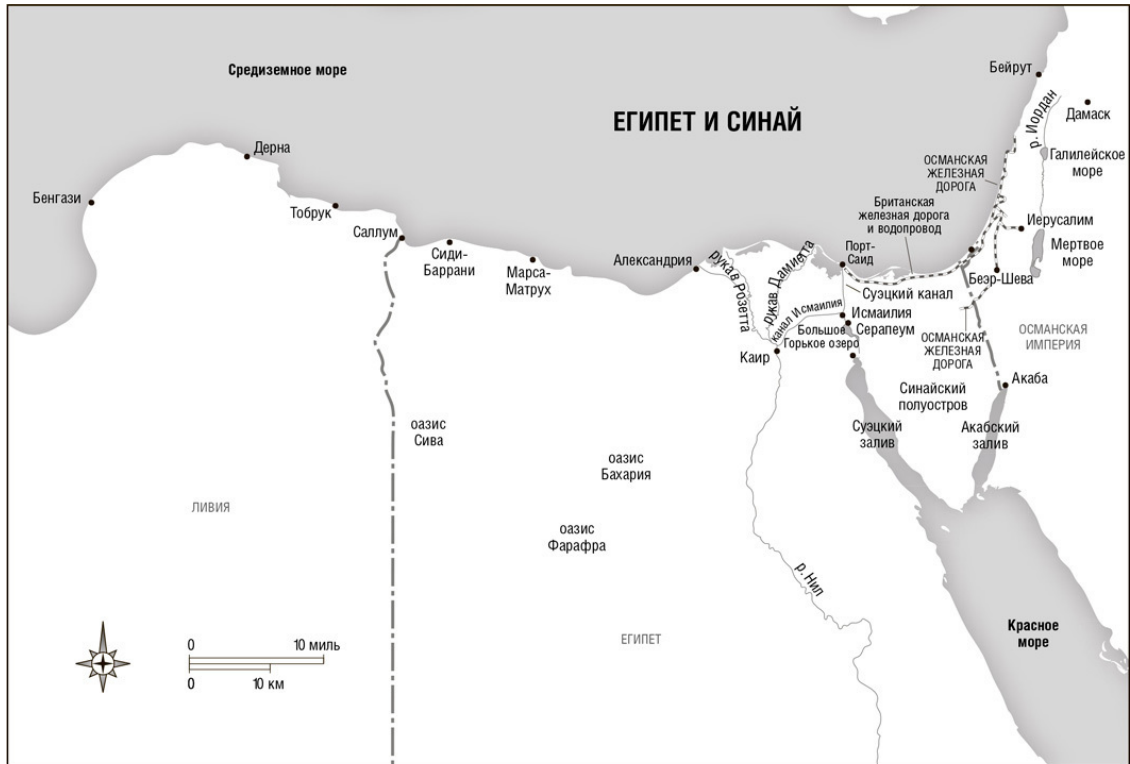
Карта 1: Средиземноморье в 1914 году

Карта 2: Восточная Анатолия и Кавказ

Карта 3: Галлиполийская кампания

Карта 4: Египет и Синай

Карта 5: Месопотамия, Аден и Хиджаз

Карта 6: Сирия, Палестина и Трансиордания

1. Революция и три войны 1908–1913 гг.

В период между 1908 и 1913 годами Османская империя столкнулась с серьезнейшими внутренними и внешними угрозами. Начиная с Младотурецкой революции 1908 года политические институты многовековой империи оказались под беспрецедентным давлением. Отечественные реформаторы хотели модернизировать империю в духе веяний XX века. В своем стремлении получить кусок османского территориального пирога могущественные державы Европы и зарождающиеся балканские государства осаждали империю непрерывными войнами. Армянские и арабские активисты пытались добиться большей автономии от слабеющего турецкого государства. Таковы были проблемы, стоявшие на повестке дня османского правительства к началу 1914 года и заложившие фундамент для участия империи в великой европейской войне.

Двадцать третьего июля 1908 года стареющий султан Абдул-Хамид II созвал экстренное заседание кабинета министров. Поводом для него стала серьезная внутренняя угроза – пожалуй, самая серьезная из всех, с которыми этому самодержавному правителю пришлось столкнуться за три десятилетия своего пребывания у власти. Османская армия в Македонии – этом крайне нестабильном балканском регионе, на сегодняшний день поделенным между Грецией, Болгарией и собственно Македонией, – подняла восстание, требуя восстановления конституции 1876 года и возвращения к парламентскому правлению. Надо заметить, что султан знал положения конституции гораздо лучше своих оппонентов. После восшествия на османский престол в 1876 году одним из первых его шагов стало принятие конституции, являвшей собой кульминацию четырех десятилетий правительственных реформ, известных как Танзимат. Этот шаг принес молодому султану славу просвещенного реформатора. Однако последующие годы пребывания у власти превратили Абдул-Хамида из реформатора в жесткого абсолютиста.

Вероятно, абсолютизм Абдул-Хамида стал результатом череды кризисов, с которыми молодой султан столкнулся в самом начале своего правления. Унаследованная им от предшественников империя находилась в ужасающем состоянии. В 1875 году Османское казначейство объявило о банкротстве, и европейские кредиторы поспешили ввести экономические санкции против турецкого правительства. После жестокого подавления восстания болгарских сепаратистов в 1876 году – событий, которые западная пресса назвала «болгарские ужасы»¹, – османы столкнулись с растущей враждебностью со стороны европейского общественного мнения. Под влиянием лидера британских либералов Уильяма Гладстона Великобритания резко осудила действия Турции. Кроме того, назревала война с Россией. Правители империи были не в силах противостоять растущему давлению, и в том же году влиятельная группа военных-реформаторов заставила султана Абдул-Азиза, правившего империей с 1861 года, отречься от престола. Менее чем через неделю он был найден у себя дома с перерезанными венами. Официально объявили, что султан совершил самоубийство. Его преемник Мурад V правил империей недолго – спустя всего три месяца его поразило сильнейшее нервное расстройство. На этом-то зловещем фоне 31 августа 1876 года 33-летний Абдул-Хамид вззошел на престол.

На молодого султана немедленно обрушилось сильнейшее давление со стороны влиятельных членов кабинета министров, которые убеждали его принять либеральную конституцию и учредить выборный парламент с представителями мусульманской, христианской и еврейской общин, чтобы избежать дальнейшего вмешательства европейцев во внутренние дела Османской империи. Довольно скоро Абдул-Хамид уступил требованиям правительственных реформаторов, хотя и сделал это больше из прагматических соображений, нежели из убеждений.

¹ В начале сентября 1876 года Уильям Гладстон издал брошюру «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» (The Bulgarian Horrors and the Question of the East). – *Прим. ред.*

Двадцать третьего декабря 1876 года он обнародовал конституцию Османской империи, а 19 марта 1877 года открыл первое заседание избранного парламента. Однако не успел парламент начать свою работу, как империя оказалась втянута в разрушительную войну с Россией.

Считая себя преемницей Византии и духовным лидером Восточной православной церкви, Российская империя преследовала завоевательные цели. Она жаждала заполучить османскую столицу Стамбул, которая до 1453 года была столицей Византийской империи – Константинополем – и центром православного христианства. Но дело было не только в культурных и духовных притязаниях. Вместе со Стамбулом русские получили бы контроль над стратегическими проливами Босфором и Дарданеллами, соединявшими российские черноморские порты со Средиземным морем. На протяжении всего XIX века европейские соседи России делали все возможное для того, чтобы не выпустить ее флот за пределы Черного моря, сохраняя территориальную целостность Османской империи. Потерпев неудачу в попытках завоевать Стамбул и проливы, русские решили реализовать свои территориальные планы, периодически ведя войны с Османской империей, а также используя в своих интересах балканские национально-освободительные движения. К концу 1876 года волнения в Сербии и Болгарии предоставили России благоприятную возможность для начала очередной завоевательной войны. Заручившись нейтралитетом со стороны Австрии и согласием Румынии пропустить войска через свою территорию, в апреле 1877 года Россия объявила войну Османской империи.

Царские войска начали стремительно продвигаться вглубь османских земель сразу по двум фронтам – на Балканах и со стороны Кавказа, в Восточной Анатолии, массово уничтожая на своем пути мирных жителей. Действия русских вызвали взрыв негодования у населения Османской империи. Умело воспользовавшись происламскими настроениями, султан Абдул-Хамид II сумел мобилизовать османское общество на войну с русскими. Он поднял знамя пророка Мухаммеда, которое хранилось в Стамбуле с тех пор, как в XVI веке османы захватили арабские земли, и объявил джихад, или священную войну, против России. Население сплотилось вокруг султана-воина, и в армию потекли потоки добровольцев и денежных пожертвований, благодаря чему османам удалось остановить дальнейшее продвижение русских войска по турецкой территории.

Между тем, пока Абдул-Хамид пытался получить народную поддержку, члены парламента все жестче критиковали действия правительства в военном конфликте. Несмотря на объявленный султаном джихад, в конце 1877 года русские возобновили наступление и в конце января 1878 года дошли до предместий Стамбула. В феврале султан срочно созвал парламентариев, чтобы провести консультации по поводу дальнейших действий, однако услышал лишь горький упрек от одного из депутатов, главы эснафа (гильдии) пекарей: «Сейчас слишком поздно спрашивать наше мнение. Это следовало сделать тогда, когда катастрофу еще можно было предотвратить. Теперь же парламента снимает с себя всякую ответственность за ситуацию, к которой не имеет никакого отношения». Судя по всему, эти слова пекаря убедили султана в том, что парламента является скорее помехой, нежели подмогой в деле спасения нации. И уже на следующий день Абдул-Хамид приостановил действие конституции, распустил парламента и поместил некоторых из наиболее влиятельных депутатов под домашний арест. Управление государством он взял полностью в свои руки. Но к тому моменту военная ситуация стала безысходной, и в январе 1878 года молодой султан был вынужден подписать мирный договор с русскими войсками, стоявшими у ворот его столицы^[5].

Согласно мирному договору и последующему Берлинскому трактату, подписанному на конгрессе, который прошел в Берлине в июне – июле 1878 года, Османская империя понесла огромные территориальные потери. Конгресс, в котором приняли участие ведущие европейские державы, включая Великобританию, Францию, Австро-Венгрию и Италию, преследовал цель разрешить не только вопросы, связанные с русско-турецкой войной, но и многие балканские конфликты. По условиям Берлинского трактата Османская империя теряла две пятых

своей территории и одну пятую населения на Балканах и в восточной Анатолии. Среди прочего Россия получала три провинции в Кавказском регионе – Карс, Ардаган и Батуми, – которые турецкие мусульмане считали сердцем Османской империи и с потерей которых не могли смириться. Эти земли стали своего рода османской Эльзас-Лотарингией.

Но тем дело не закончилось. Урезанная Берлинским трактатом, Османская империя продолжала терять территории. В 1881 году Франция оккупировала Тунис. В 1878 году Великобритания сделала Кипр своей колонией, а после вмешательства в египетский кризис в 1882 году взяла эту автономную османскую провинцию под свое правление. По всей видимости, эти территориальные потери убедили султана Абдул-Хамида II в том, что сильная власть – это единственный способ защитить свою империю от дальнейшего расчленения амбициозными европейскими державами. К его чести надо сказать, что в период между 1882 и 1908 годами османские владения оставались нетронутыми, хотя их целостность и сохранялась за счет политических прав граждан.

Автократический стиль правления Абдул-Хамида привел к формированию оппозиционного движения, получившего название «Младотурки». Это была коалиция широкого спектра партий, объединенных общими целями, такими как ограничение султанского абсолютизма, восстановление конституционного порядка и возвращение к парламентской демократии. Одной из ключевых партий под эгидой младотурок была организация «Единение и прогресс» – тайное общество гражданских и военнослужащих, созданное в начале 1900-х годов. Хотя партия «Единение и прогресс» имела отделения по всей Османской империи, в турецких и арабских провинциях она подвергалась суровым гонениям. Поэтому к 1908 году большая часть партийной деятельности была сосредоточена в сохранившихся османских владениях на Балканах – в Албании, Македонии и Фракии^[6].

В июне 1908 года султанские шпионы раскрыли ячейку «Единения и прогресса» в Третьей османской армии в Македонии. Перед лицом угрозы суда военные решились на активные действия. Третьего июля 1908 года лидер партийной ячейки майор Ахмед Ниязи-бей возглавил отряд из двух сотен хорошо вооруженных военных и гражданских лиц и поднял мятеж, потребовав от султана восстановить действие конституции 1876 года. Бунтовщики были готовы погибнуть, однако выдвинутые ими требования как нельзя лучше отвечали настроениям широкой общественности. Движение получило народную поддержку и стало набирать обороты. Пламя восстания охватывало целые македонские города, которые один за другим заявляли о своей приверженности конституции. Один из офицеров из числа младотурок, подполковник Исмаил Энвер – впоследствии прославившийся просто как Энвер – провозгласил конституцию в городах Кёпрюлю и Тиквеш. Третья османская армия угрожала двинуться на Стамбул, чтобы «принести» конституцию в имперскую столицу.

Уже через три недели революционное движение приобрело такой размах, что султан больше не мог рассчитывать на своих военных при подавлении македонского мятежа. Осознавая чрезвычайность ситуации, 23 июня он созвал экстренное заседание кабинета министров. Они собрались в «Звездном дворце» (Йылдыз-сарай), возвышающемся на вершине холма в европейской части Стамбула с живописным видом на Босфор. Однако запуганные 65-летним султаном министры боялись затронуть ключевой вопрос о восстановлении конституционного правления. Вместо того чтобы искать пути преодоления кризиса, они принялись за поиски виноватых.

После нескольких часов бесплодных дискуссий Абдул-Хамид решительно прервал уклончивые речи своих министров. «Я последую воле народа, – заявил он. – В свое время именно я принял первую конституцию. Потом из соображений необходимости мне пришлось приостановить ее действие. Теперь я поручаю кабинету подготовить прокламацию о восстановлении конституции». С огромным облегчением министры бросились выполнять приказ султана и немедленно разослали по всем провинциям телеграммы, возвещающие о начале второй

конституционной эпохи. Благодаря тому, что младотуркам удалось принудить султана восстановить конституционное правление, их мятеж получил название «Младотурецкая революция»^[7].

Страна не сразу осознала всю значимость этого события. Газеты напечатали новость без громких заголовков и комментариев: «По приказу его Императорского Величества, в соответствии с положениями конституции в стране вновь созван парламент». Поскольку мало кто удосуживался читать строго цензурируемую имперскую прессу, прошло целых 24 часа, прежде чем жители страны отреагировали на это известие. Двадцать четвертого июля толпы народа начали собираться на площадях Стамбула и провинциальных городов по всей империи, чтобы отпраздновать возвращение к конституционному строю. Энвер отправился на поезде в Салоники (город в современной Греции), центр движения младотурков, где толпы ликующих людей приветствовали его как «героя свободы». На платформе вместе с Энвером находились его соратники по борьбе – подполковник Ахмед Джемаль, военный инспектор Османских железных дорог, и Мехмед Талаат, почтовый клерк. Оба они занимали высокие посты в партийной иерархии «Единения и прогресса» и, как и Энвер, были известны просто как Джемаль и Талаат. «Энвер, – кричали они, – ты – наш Наполеон!»^[8]

В последующие дни улицы османских городов расцвелись красно-белыми знаменами с революционным лозунгом «Справедливость, равенство, братство», а городские площади по всей империи были украшены портретами Ниязи, Энвера и других «героев свободы». Политические активисты выступали с пламенными речами, прославляя конституционные блага и делаясь своими надеждами и чаяниями с широкой общественностью.

Порожденные конституционной революцией надежды сплотили в порыве патриотизма разнородное османское общество, состоявшее из множества этнических групп, включая турок, албанцев, арабов и курдов, а также различных религиозных общин от суннитского большинства и мусульман-шиитов до иудеев и более чем десятка различных христианских конфессий. Все прошлые попытки правительства взрастить османскую национальную идентичность шли ко дну, наталкиваясь на айсберг такого многообразия, однако конституционной революции удалось сделать это в одночасье. Как писал один политический деятель того времени: «Люди разных национальностей встречали друг друга с распростертыми объятиями, потому что перестали делить друг друга на арабов, турок, армян или курдов. Они считали себя гражданами Османского государства с равными правами и обязанностями»^[9].

Между тем радостное празднование вновь обретенной свободы было омрачено неизбежными актами возмездия в отношении тех, кого подозревали в связях с репрессивным аппаратом Абдул-Хамида. При его правлении Османская империя превратилась в полицейское государство. Политических активистов арестовывали и отправляли в ссылку, газеты и журналы подвергали строжайшей цензуре, а граждане боялись открыто высказывать свое мнение, опасаясь вездесущих правительственных шпионов. Мухаммед Иззат Дарваза, уроженец палестинского города Наблус, описал «взрыв негодования в первые дни революции против тех правительственных служащих, как высокого, так и низкого ранга, которые подозревались в шпионаже, коррупции или причастности к репрессиям»^[10].

Тем не менее у большинства граждан Османской империи Младотурецкая революция породила пьянящее чувство свободы и надежды. Эйфория того времени нашла отражение в восторженных одах турецких и арабских поэтов, воспевавших младотурок и совершенную ими революцию.

Сегодня мы радуемся свободе – благодаря вам!
Мы встречаем день и провожаем его без страха и боли.
Узники выпущены из тюрем, сменив унижение на свободу;
Возлюбленные изгнанники вернулись на родину;

Ибо нет больше шпионов, что клеветуют и сеют страх;
И нет газет, к которым страшно прикасаться.
Мы перестали видеть тревожные сны
И по утрам видим солнце, а не мрак!^[11]

Однако революция, породившая так много надежд, привела лишь к разочарованию.

Те, кто надеялся на политические преобразования, не увидели никаких существенных перемен в управлении Османской империей. Лидер младотурецкого движения – партия «Единение и прогресс» – решил оставить султана Абдул-Хамида II во главе государства. Добровольное согласие на восстановление конституции вызвало определенное доверие к нему, и, кроме того, значительная часть населения империи почитала его не только как султана, но и как халифа – духовного главу мусульманского мира. Смещение Абдул-Хамида в 1908 году могло принести младотуркам больше проблем, чем пользы. Кроме того, лидеры «Единения и прогресса» были действительно «младыми» – молодыми – турками. В основном это были младшие офицеры и чиновники низкого ранга в возрасте 25–40 лет, которым не хватало ни уверенности в себе, ни необходимого опыта, чтобы взять власть в свои руки. Поэтому они передали функции правления страной великому визирю (премьер-министру) Саид-паше, и его кабинет взял на себя роль надзорного комитета, следящего за тем, чтобы султан и его правительство соблюдали положения конституции.

Если граждане Османской империи считали, что конституция решит их экономические проблемы, то и эти надежды пошли прахом. Спровоцированная революцией политическая нестабильность подорвала доверие к турецкой валюте. В августе – сентябре 1908 года инфляция достигла 20 процентов, усугубив положение трудящихся масс. Османские рабочие выходили на демонстрации, требуя повышения зарплат и улучшения условий труда, однако казначейство было не в состоянии удовлетворить эти законные требования. За первые полгода после революции профсоюзные активисты организовали более 100 забастовок, что привело лишь к ужесточению законов и принятию правительством суровых мер по отношению к рабочим^[12].

Наконец, самое горькое разочарование испытали те, кто считал, что возвращение к парламентской демократии позволит обрести поддержку Европы и уважение к территориальной целостности Османской империи. Европейские соседи Турции воспользовались нестабильностью, спровоцированной Младотурецкой революцией, чтобы аннексировать османские территории. Пятого октября 1908 года бывшая османская провинция Болгария объявила о своей независимости. На следующий день Австро-Венгерская Габсбургская империя объявила о присоединении автономных османских провинций Боснии и Герцеговины. В тот же день, 6 октября, Крит объявил о своем объединении с Грецией. Поворот Турции к демократии не принес ей поддержки со стороны европейских держав, а лишь сделал империю еще более уязвимой.

Младотурки стремились восстановить контроль над революцией через османский парламент. «Единение и прогресс» была одной из всего лишь двух партий, участвовавших в выборах в конце ноября – начале декабря 1908 года, и иттихадисты завоевали подавляющее большинство голосов в нижней палате, кооптировав в свои ряды многих независимых депутатов. Семнадцатого декабря султан открыл первое заседание парламента, заявив в своей речи о приверженности конституции. Лидеры выборной нижней палаты и назначаемой верхней палаты приветствовали речь султана, похвалив Абдул-Хамида за мудрость, проявленную им при восстановлении конституционного правления. Этот обмен любезностями создал иллюзию гармонии между султаном и иттихадистами. Однако абсолютные монархи не меняют свой характер в одночасье, и Абдул-Хамид, не смирившийся с конституционными ограничениями своей власти и парламентским контролем, попросту решил выждать, чтобы при первой же возможности избавиться от младотурок.

Как только энтузиазм по поводу революции поутих, иттихадисты столкнулись с серьезной оппозицией в политических кругах, а также со стороны влиятельных кругов гражданского общества. Поскольку государственной религией Османской империи был ислам, религиозный истеблишмент осудил попытки младотурок навязать стране светскую культуру. В армии существовал явный раскол между офицерами, которые окончили военные академии и придерживались либеральных реформистских взглядов, и простыми солдатами, верными своей присяге на верность султану. В парламенте члены либеральной фракции, подозревая «Единение и прогресс» в стремлении захватить власть, использовали свои связи с прессой и европейскими чиновниками – в частности, с британским посольством, – чтобы подорвать позиции иттихадистов в нижней палате. Из своего дворца Абдул-Хамид умело дергал за ниточки, преследуя цель убрать младотурок со сцены.

В ночь с 12 на 13 апреля 1909 года враги «Единения и прогресса» подняли контрреволюционный мятеж. Лояльные султану солдаты Первого армейского корпуса взбунтовались против своих офицеров и объединились с учащимися столичных медресе. Вместе они направились к парламенту, по пути привлекая к своему шумному маршу все новых фанатиков и мятежных солдат. Бунтовщики требовали назначения нового кабинета, отправки в ссылку некоторых лидеров партии «Единение и прогресс», а также восстановления исламского права (шариата) – хотя страна на протяжении многих десятилетий фактически жила под действием смешанного набора правовых кодексов. Депутаты-иттихадисты бежали из столицы, опасаясь за свои жизни. Кабинет подал в отставку. А султан, якобы уступая требованиям народа, вновь взял правление страной под свой единоличный контроль.

Однако триумф Абдул-Хамида длился недолго. Военные Третьей армии в Македонии восприняли контрреволюцию в Стамбуле как покушение на конституцию, с которой они связывали политическое будущее империи. Македонские младотурки и их сторонники организовали так называемую «Армию действия» под командованием майора Ахмеда Ниязи, героя Младотурецкой революции, и 17 апреля выдвинулись из Салоник в Стамбул. Рано утром 24 апреля «Армия действия» вошла в имперскую столицу, подавила восстание, фактически не встретив сопротивления, и ввела военное положение. Две палаты османского парламента были собраны на Генеральную национальную ассамблею и 27 апреля проголосовали за низложение султана Абдул-Хамида II. Его преемником стал его младший брат Мехмед V Решад. Вернувшись к власти, партия «Единение и прогресс» всего за две недели решительно подавила остатки контрреволюционного мятежа.

Контрреволюция вывела на поверхность глубокие противоречия в османском обществе, самым опасным из которых был турецко-армянский антагонизм. Сразу же после того, как «Армия действия» восстановила власть младотурок в Стамбуле, толпы мусульман устроили погромы и массовую резню армян в городе Адане на юго-востоке страны. Первые погромы армян начались еще в 1870-е годы, и на протяжении последующих нескольких десятилетий враждебность только набирала силу, вылившись во время Первой мировой войны в первый геноцид XX века.

В 1909 году многие османские турки относились к армянам с большим подозрением. Они были убеждены, что это меньшинство имеет свою скрытую националистическую программу действий и лелеет надежду однажды выйти из состава империи. Являясь отдельной этнической группой с собственным языком и христианской религией, которая на протяжении многих столетий существовала как «миллет» (так в Османской империи назывались автономные религиозные конфессии), армяне имели все предпосылки для организации активного националистического движения за исключением одного: они не жили в границах одного географического региона. Этот народ был рассредоточен между Российской и Османской империями и (в пределах последней), по всей Восточной Анатолии, по средиземноморскому побережью, а также между основными торговыми городами. Больше всего их было в Стамбуле. Таким образом, не

обладая критической массой в одном географическом регионе, армяне не могли надеяться на обретение государственности – разумеется, если только им не удалось бы заручиться поддержкой со стороны могущественных держав.

Впервые о своих территориальных притязаниях армяне заявили на Берлинском конгрессе в 1878 году. В рамках урегулирования итогов русско-турецкой войны османы были вынуждены уступить России три провинции со значительной долей армянского населения – Карс, Ардаган и Батуми. Переход сотен тысяч представителей их национальности в российское подданство дал армянам благоприятный повод потребовать большей автономии в составе Османской империи. Армянская делегация обосновала свои притязания на османские вилайеты Эрзурум, Битлис и Ван как на «провинции, населенные армянами». Делегация потребовала создания автономного региона с христианским губернатором во главе по образцу Горного Ливана – автономной области в Ливанских горах с преимущественно христианским населением. Европейские державы отреагировали на это включением в Берлинский трактат отдельной статьи, которая обязывала османское правительство «немедленно осуществить реформы и улучшения, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами» и обеспечить им безопасность от нападений мусульманского большинства. Согласно трактату, Стамбул был обязан периодически отчитываться перед европейскими державами о мерах, принимаемых в интересах армянских граждан^[13].

Между тем поддержка европейцами христианских националистических движений на Балканах внушила османам вполне понятные опасения по поводу их намерений в отношении других стратегических османских территорий. Новый статус, дарованный Берлинским трактатом притязаниям армянской общины на территории в самом «сердце» империи – Восточной Анатолии, – представлял собой явственную угрозу для Османской империи. Только что отдав России три провинции (Карс, Ардаган и Батуми) в качестве контрибуции, османы не могли примириться с перспективой лишиться других восточноанатолийских земель. Поэтому правительство Абдул-Хамида сделало все возможное для того, чтобы подавить зарождающееся армянское движение и не позволить ему установить связи с Великобританией и Россией. Когда в конце 1880-х годов армянские активисты начали формировать политические организации для реализации своих националистических чаяний, османское правительство обращалось с ними как с любыми другими оппозиционными группами и применяло в ответ весь арсенал репрессивных мер, включая слежку, аресты, лишение свободы и ссылку.

В конце XIX века появились два мощных армянских националистических сообщества. В 1887 году в Женеве группа армянских студентов, обучающихся в университетах Швейцарии и Франции, сформировала партию «Гнчак» (по-армянски «колокол»), а в 1890 году группа активистов в Российской империи организовала партию под названием «Армянская революционная федерация», более известную как партия «Дашнакцутюн» (в переводе с армянского – «федерация»), или партия дашнаков. Эти два движения заметно расходились в идеологии и методах. Если члены «Гнчак» делали ставку на социализм и национальное освободительное движение, то дашнаки были сосредоточены на ведении партизанской войны и организации самообороны армянских общин в России и Османской империи. Оба общества поддерживали применение насилия для достижения своих политических целей. Они считали себя борцами за свободу, однако османы наложили на них клеймо террористов. Деятельность гнчакистов и дашнаков способствовала обострению напряженности в отношениях между мусульманами и христианами в Восточной Анатолии. Армянские активисты рассчитывали на то, что это спровоцирует вмешательство европейских держав, однако османы использовали обострение как повод жестко подавить зарождающееся националистическое движение. Нестабильная ситуация вылилась в кровопролитие^[14].

В период между 1894 и 1896 годами в Османской империи произошла серия массовых убийств армян. Волна насилия началась летом 1894 года с резни в Сасуне, области на юго-

востоке Анатолии, где курды-кочевники напали на армянских крестьян за отказ платить им «защитную» дань – плату за отказ от набегов, которой они облагали их помимо государственных налогов. Армянские активисты подняли крестьян на бунт против этих двойных поборов. Британский путешественник и коммерсант Генри Линч, проезжавший через Сасун накануне резни, так писал об армянских агитаторах: «Цель этих людей – поддерживать дело армянской освободительной борьбы, разжигая пламя то здесь, то там и громко крича "Пожар!". Этот крик подхватывается европейской прессой, и, когда народ сбегается посмотреть, что случилось, они указывают пальцем на турецких чиновников и обвиняют их во всех грехах». Чтобы восстановить порядок, османское правительство направило в Сасун Четвертую армию, усиленную курдским кавалерийским полком. В результате этих беспорядков были убиты тысячи армян, что спровоцировало громкие призывы к вмешательству со стороны европейских держав, которого так жаждали активисты «Гнчака» – и так стремились избежать османы^[15].

В сентябре 1895 года гнчакисты организовали в Стамбуле марш с требованием проведения реформ в провинциях Восточной Анатолии, которые европейцы теперь все чаще называли Турецкой Арменией. Организаторы за 48 часов уведомили османское правительство и все иностранные посольства о планируемой акции и изложили в петиции свои требования, включая назначение христианского генерал-губернатора для надзора за осуществлением реформ в регионе и предоставление армянским крестьянам права на ношение оружия, чтобы защищать себя от хорошо вооруженных курдских соседей. Османы окружили Блистательную Порту – обнесенный стеной комплекс зданий, где размещалась официальная резиденция великого визиря и его кабинета (Портой также называли османское правительство аналогично тому, как британское правительство называют Уайт-холлом) – полицейским кордоном, который начал теснить толпу армянских демонстрантов назад. В ходе столкновений был убит один из полицейских, в результате чего разъяренная толпа мусульман набросилась на армян. Шестьдесят протестующих были убиты только у стен Порты. Европейские страны выразили протест против убийства мирных демонстрантов. Столкнувшись с растущим международным давлением, 17 декабря султан Абдул-Хамид издал декрет, обещавший провести реформы в компромиссном варианте в шести провинциях Восточной Анатолии с армянским населением: Эрзуруме, Ване, Битлисе, Диярбакыре, Харпуте (Элязыге) и Сивасе.

Между тем султанский декрет о реформах усилил опасения мусульманского населения в этих шести провинциях. Они восприняли его как первый шаг к провозглашению независимой Армении в Восточной Анатолии, а случись такое, мусульманскому большинству пришлось бы жить под властью христиан или же покинуть свои дома и деревни и переселиться на мусульманские земли – как это уже вынуждены были сделать тысячи мусульман из Крыма, с Кавказа и Балкан, когда эти территории отошли к христианским государствам. Османские чиновники не стремились рассеять эти опасения, и через несколько дней после выхода султанского декрета по городам и деревням Восточной и Центральной Анатолии прокатилась новая, куда более кровавая волна убийств и погромов. По оценкам американских миссионеров, к февралю 1896 года было убито не меньше 37 000 армян, а 300 000 остались без крова. По другим оценкам было убито и ранено от 100 000 до 300 000 армян. Принимая во внимание изолированность этого региона, мы вряд ли сможем узнать точное число жертв этих массовых убийств. Как бы там ни было, известные факты говорят о том, что в эти годы насилие против армян достигло беспрецедентного за всю историю Османской империи уровня^[16].

Теракт в Стамбуле стал третьим и последним эпизодом в этой серии массовых убийств армян в 1894–1896 годы. Двадцать шесть активистов партии «Дашнакцутюн» под видом носильщиков пронесли в здание Оттоманского банка в Стамбуле оружие и взрывчатку, спрятав их в инкассаторских сумках, и 26 августа 1896 года захватили банк. Они убили двух охранников и взяли в заложники 150 банковских служащих и клиентов, угрожая взорвать здание, если не будут выполнены их требования – включая всеобщую амнистию для армянских политза-

ключенных и назначение европейского верховного комиссара для контроля над проведением реформ в Восточной Анатолии. Несмотря на свое название, Османский банк был иностранным учреждением – почти все его акции принадлежали британским и французским концернам. Однако расчеты террористов на то, что этой насильственной акцией им удастся добиться вмешательства европейских держав в решение армянского вопроса, не просто не оправдались, а привели к чудовищным обратным результатам. В конце концов, так и не добившись удовлетворения своих требований, террористы были вынуждены покинуть здание банка и бежать из Османской империи на французском судне. Европейцы резко осудили действия дашнаков, но, что еще хуже, нападение на банк спровоцировало волну погромов в Стамбуле, в ходе которых было убито около 8000 армян. Поскольку европейские державы придерживались разных позиций по армянскому вопросу, они не могли выступить единым фронтом и вынудить османское правительство провести реформы. Для армянского же движения кровавые события 1894–1896 годов стали настоящей катастрофой.

В последующие годы армянское движение изменило тактику и начало сотрудничать с либеральными партиями, ставившими своей целью реформировать Османскую империю. В 1907 году дашнаки приняли участие во Втором съезде османских оппозиционных партий в Париже, где также участвовал комитет «Единение и прогресс». Они с энтузиазмом поддержали Младотурецкую революцию 1908 года, благодаря чему впервые в истории эта армянская партия получила легальный статус на территории империи. Позже в том же году армянская община выдвинула своих кандидатов на выборы в Османский парламент, и 14 из них были избраны в нижнюю палату. Многие выражали надежду на то, что политические цели армян могут быть достигнуты в контексте османской конституции, обещанных ею гражданских прав и свобод, а также предполагаемой административной децентрализации. Однако от этих надежд не осталось и следа после контрреволюционного мятежа, который спровоцировал 25–28 апреля 1909 года очередное иступленное кровопролитие, унесшее жизни более чем 20 000 армян^[17].

Минарет, с которого турки стреляли по христианам

В апреле 1909 года толпы мусульман разрушили принадлежавшие христианам дома и магазины в г. Адане и его окрестностях и убили около 20 000 армян. Фотографы американ-

ского новостного агентства *Bain News Service* запечатлели руины христианских кварталов после аданской резни.

Писательница Забел Есян, один из самых известных армянских литературных деятелей начала XX века, вскоре после этих событий отправилась в Адану, чтобы участвовать в оказании помощи пострадавшим. Она увидела город в руинах, населенный вдовами, сиротами и стариками, глубоко травмированными тем, что им пришлось пережить. «Ум отказывается осознавать эту ужасающую реальность, которая находится далеко за пределами человеческого воображения – так писала она об увиденном. – Полную картину произошедшего не могут нарисовать даже те, кто непосредственно пережил эти события. Эти люди запинаятся, плачут и в конце концов могут рассказать только об отдельных эпизодах». Влиятельные общественные деятели, такие как Есян, сумели привлечь внимание международной общественности к массовым убийствам в Османской империи и добиться их осуждения^[18].

Младотурки немедленно отправили Джемалю прекратить насилие и восстановить мир в Адане. Иттихадистам требовалось вернуть доверие дашнаков, чтобы те не пытались поднять европейские страны на защиту армян. Дашнаки согласились продолжать сотрудничество с «Единением и прогрессом» при условии, что правительство арестует и сурово накажет всех виновных в массовых убийствах в Адане, восстановит недвижимость выживших армян, облегчит их налоговое бремя и окажет финансовую помощь нуждающимся. В своих воспоминаниях Джемаль утверждал, что за четыре месяца они восстановили в Адане все разрушенные дома и казнили «не менее 30 магометан в Адане и 17 в близлежащем Эрзине, среди них – членов старейших и знатных семей». Эти меры, принятые не только для того, чтобы успокоить армян, но и чтобы предотвратить европейское вмешательство в армянский вопрос, позволили младотуркам выиграть время^[19].

Пока османы старались сохранить территориальную целостность империи в Восточной Анатолии, новый кризис поджидал их в Средиземноморье. Провинции Бенгази и Триполи, расположенные на территории современной Ливии, были последними владениями османов в Северной Африке после оккупации французами Алжира (в 1830 году) и Туниса (в 1881 году) и установления Великобританией протектората над Египтом в 1882 году. Агрессивная, как и многие молодые государства, Италия – чье объединение в единое королевство завершилось только в 1871 году – жаждала расширить свои границы за счет африканских земель и, чтобы удовлетворить свои имперские амбиции, король Виктор Эммануил III обратил взгляд на Ливию.

Османы ничего не сделали для того, чтобы спровоцировать войну с Италией в 1911 году. Между тем заранее заручившийся нейтралитетом британцев и французов Рим знал, что ничто не мешает ему реализовать свои имперские амбиции на севере Африки военным путем. Используя как предлог поставку османами оружия в свои ливийские гарнизоны, что якобы создавало угрозу для безопасности итальянских граждан, живших в Триполи и Бенгази, 29 сентября Рим объявил войну Османской империи и начал полномасштабное вторжение в ливийские прибрежные города^[20].

Османские гарнизоны в Ливии не были готовы к обороне. Насчитывая в общей сложности всего 4200 солдат и не имея поддержки с моря, они вряд ли могли противостоять вторжению итальянской армии, численность которой превышала 34 000 человек. Военный министр Османской империи открыто сказал своим офицерам, что защитить Ливию невозможно. И уже в первые недели октября 1911 года итальянская армия с триумфом маршировала по улицам прибрежных городов османских провинций Триполи (в Западной Ливии) и Бенгази (в Восточной Ливии, также известной как Киренаика)^[21].

Однако младотурки придерживались совершенно иной позиции в отношении итальянского вторжения, нежели османское правительство. Великий визирь и его кабинет считали,

что империя не может спасти Ливию, поэтому предпочли списать эту удаленную североафриканскую территорию со счетов, вместо того чтобы вмешиваться в драку, в которой они вряд ли могли победить. Но младотурецкие ультранационалисты не желали смириться с потерей османской территории без боя.

В начале октября 1911 года Энвер отправился в Салоники, чтобы обратиться к Центральному комитету «Единения и прогресса». В ходе пятичасовой встречи ему удалось убедить своих соратников в необходимости начать партизанскую войну против итальянцев в Ливии. Он изложил свой план в письме к другу детства и сводному брату германскому военно-морскому атташе Гансу Хуманну: «Мы сплотим наши силы внутри Ливии. Организованные группы арабов, верных граждан своей страны, под командованием офицеров [из числа младотурков] не будут спускать глаз с итальянцев и не будут давать им покоя ни днем, ни ночью. Они будут внезапно нападать на любого итальянского солдата и небольшие отряды итальянцев и безжалостно их уничтожать. Если враг слишком многочислен и силен, группы будут отступать и скрываться на местности, продолжая изматывать врага при каждой возможности»^[22].

После того как план был одобрен Центральным комитетом «Единения и прогресса», Энвер отправился в Стамбул, где инкогнито сел на корабль до Александрии. На призыв Энвера откликнулись десятки патриотически настроенных офицеров, среди которых был и молодой майор по имени Мустафа Кемаль (в будущем он станет известен как Ататюрк, основатель Турецкой Республики). В качестве плацдарма для ведения партизанской войны использовался Египет; некоторые офицеры проникали в Ливию через Тунис. Официально правительство отреклось от этих военнослужащих, назвав их «авантюристами, действующими против воли Османского правительства» (на деле же османское казначейство выплачивало всем находившимся в Ливии военным ежемесячное жалованье). Эти офицеры-добровольцы называли себя «федаи» и были готовы пожертвовать жизнями в борьбе за правое дело^[23].

Проникнув на территорию Ливии в конце октября, Энвер со всей страстью и рвением взялся за дело. Он переоделся в арабскую одежду и на верблюде отправился вглубь страны. Он с радостью приветствовал все тяготы и суровый аскетизм жизни в пустыне и восхищался мужеством бедуинов, с которыми, не зная арабского языка, общался через переводчика. Бедуины со своей стороны также проявили к Энверу большое уважение. Невеста Энвера принцесса Эмине Наджие Султан была племянницей султана Мехмеда V. Хотя на тот момент ей было всего 13 лет (они поженились в 1914 году, когда Эмине исполнилось 17), эта связь с императорским домом делала Энвера влиятельной фигурой в глазах ливийцев. «Я говорил им: "Я, зять султана, посланник халифа, приказываю вам то-то и то-то", – вспоминал впоследствии Энвер. – Эта возможность стала для меня огромным подспорьем»^[24].

Энвер действовал в восточной провинции Бенгази. Итальянские войска были сосредоточены в трех портовых городах Киренаики – Бенгази, Дерне и Тобруке, поскольку упорное сопротивление, оказываемое ливийскими племенами, не давало им продвинуться дальше прибрежной равнины вглубь страны. Тщательно изучив итальянские позиции, Энвер расположил свой лагерь на плато, возвышающемся над портом Дерна. Десять тысяч жителей города оказались весьма негостеприимными хозяевами для 15 000 итальянских пехотинцев, которые также стали главной мишенью для партизанских отрядов Энвера. Тот собирал вокруг себя деморализованных османских солдат, которым удалось избежать плена, рекрутировал представителей местных племен, а также членов могущественного братства Санусия (суфийского религиозно-политического ордена, который охватывал своей сетью все городские и сельские районы Ливии). Кроме того, в его базовый лагерь в Айн-эль-Мансуре в Египте регулярно прибывали все новые офицеры-федаи. Благодаря своей деятельности в Ливии, включавшей привлечение местных бойцов под командование османских офицеров, грамотное использование враждебного отношения мусульманского населения к европейским захватчикам и создание эффективной разведывательной сети, Энвер заложил основы для создания новой разведывательной

службы – Тешкилят-и Махсуса («Специальной организации»), – приобретшей во время войны большое влияние.

Судя по отчетам Энвера, многие арабские племена Ливии сплотились вокруг османских добровольцев. Они высоко ценили готовность младотурок прийти на помощь ливийскому народу и рисковать своими жизнями ради его освобождения от иностранного владычества. Хотя они говорили на разных языках, принадлежность к общей исламской религии делала тюркоязычных младотурок и арабоязычных ливийцев почти братьями. Энвер описывал арабских воинов в Ливии как «фанатичных мусульман, которые рассматривают смерть от руки врага как дар Божий». Особенно это касалось членов могущественного суфийского ордена Санусия, чья преданность османскому султану объяснялась его ролью халифа. Энвер и другие светские офицеры-младотурки не пытались отмежеваться от этой исламской фанатичности, считая религию мощной мобилизующей силой, способной сплотить мусульман под знаменем султана-халифа и позволить им победить своих врагов – как внутри Османской империи, так и за ее пределами, во всем мусульманском мире. Размышляя о силе ислама, Энвер писал: «У исламизма нет национальности. Просто взгляните на то, что происходит вокруг в исламском мире». Таким образом, из событий в Ливии Энвер вынес твердую убежденность в том, что исламская религия – это мощная сила, которую Османская империя может использовать против своих внутренних и внешних врагов^[25].

В период с октября 1911 по ноябрь 1912 года младотурецкие офицеры и арабские племена вели поразительно успешную партизанскую войну против итальянцев. Несмотря на численное превосходство и современное вооружение, итальянцам так и не удалось вырваться за пределы своих укрепленных позиций на побережье и захватить внутренние ливийские территории. Арабские отряды наносили итальянцам огромные потери, в течение года убив 3400 и ранив более 4000 солдат. Эта военная кампания дорого обошлась итальянской казне, тогда как османы тратили на поддержание партизанских отрядов Энвера и его лагеря в Дерне всего лишь 25 000 османских лир в месяц (в те времена османская лира стоила примерно £0,90 или \$4,40). В какой-то момент стало казаться, что рискованное предприятие младотурок в Ливии может достичь своей цели и итальянцам придется убраться из Африки^[26].

Между тем, не желая отступить от Ливии, итальянцы решили атаковать османов по многим фронтам. Они понимали, что война закончится только в том случае, если Османская империя официально откажется от Ливии и передаст ее под контроль Италии в соответствии с мирным договором. Чтобы вынудить Стамбул просить мира, итальянские военные корабли атаковали османские территории по всему восточному побережью Средиземного моря. В марте 1912 года они подвергли интенсивному обстрелу ливанский порт Бейрут; в мае того же года итальянская армия захватила Додеканес (архипелаг в Эгейском море с крупнейшим островом Родос, который сегодня принадлежит Греции), а в июле итальянский флот направил миноносцы в пролив Дарданеллы, и, наконец, итальянцы разыграли балканскую карту: Греция, Сербия, Черногория и Болгария создали военный альянс против своего бывшего сюзерена. Каждая из этих стран имела притязания на оставшиеся османские территории на Балканах – в Албании, Македонии и Фракии. Поскольку королевская семья Италии была связана брачными узами с первым королем Черногории Николой I, итальянцы побудили черногорцев 8 октября 1912 года объявить Османской империи войну. Теперь это был всего лишь вопрос времени, когда другие балканские государства последуют ее примеру.

Надвигающаяся угроза войны на Балканах вызвала в Стамбуле панику, которая не могла не отразиться на ситуации в Ливии. Бросая значительные силы на возвращение удаленных провинций Триполи и Бенгази, османское правительство оставляло беззащитными свои балканские владения. Идеализм быстро уступил место реализму. Уже через десять дней после объявления войны Черногорией Османская империя заключила с Италией мирный договор, согласно которому она передавала свои ливийские провинции под итальянское правление.

Офицерам-федаи – хотя им и стыдно было бросать своих ливийских товарищей по оружию – пришлось оставить дальнейшее ведение партизанской войны братству Санусия и поспешно вернуться в Стамбул, чтобы встать на защиту страны в военном конфликте, получившем название Первая балканская война.

Все балканские государства некогда были частью Османской империи. В течение XIX века в разнообразных этнических и религиозных общинах этого юго-восточного региона Европы сформировались активные националистические движения – которые, к слову сказать, не менее активно поддерживались европейскими державами, рассчитывавшими получить контроль над будущими государствами-сателлитами. Греция стала первым государством, добившимся полной независимости от османов в 1830 году, после десяти лет войны. В 1829 году Сербия была признана международным сообществом как автономное княжество в составе Османской империи, а в 1878 году Берлинский конгресс признал ее независимым государством. На том же Берлинском конгрессе независимость получила Черногория, а Болгария обрела статус автономии в составе Османской империи и в сентябре 1908 года стала независимым государством. Ни одно из молодых балканских государств не было удовлетворено своей территорией – и каждое жаждало получить кусок земельного пирога из Албании, Македонии и Фракии, которые все еще оставались под властью османов. Турки же с пренебрежением относились к территориальным притязаниям своих бывших балканских подданных и недооценивали опасность, которая грозила оставшимся у них европейским землям.

Однако самоуспокоенность османов была разрушена в одночасье, когда балканские государства решили воспользоваться итало-турецкой войной, чтобы попытаться удовлетворить свои территориальные амбиции. В октябре 1912 года Черногория, Сербия, Греция и Болгария друг за другом объявили войну Османской империи. Балканские союзники изначально имели численное и стратегическое превосходство над своим бывшим правителем. Объединенные силы балканских государств насчитывали свыше 715 000 человек, которым противостояло всего 320 000 османских солдат^[27].

Греки использовали свое превосходство над османами на море. Они не только аннексировали Крит и захватили ряд островов в Эгейском море, но и помешали османам перебросить военное подкрепление. Восьмого ноября греческие войска взяли Салоники – родину Младотурецкой революции, а также несколько городов на юге Албании. Сербы и черногорцы напали на Македонию и Албанию с севера и полностью оккупировали эти территории. Косово пало под натиском сербов 23 октября.

Самые ожесточенные и кровопролитные сражения с османами выпали на долю болгарской армии. Двадцать четвертого октября болгарам удалось прорвать первую линию обороны османской армии в Кыркларели, 2 ноября – вторую линию обороны под Люлебургазом и дойти до укрепленной линии в Чаталдже, находящейся всего в 40 км от Стамбула. Защитники Эдирне (бывшего Адрианополя, города в современной Турции, расположенного недалеко от границы с Грецией и Болгарией) оказались в осаде и были брошены основными османскими частями. В начале декабря 1912 года Порта была вынуждена просить о перемирии. Всего через два месяца после потери Ливии Османская империя фактически лишилась своей армии – а вместе с ней и надежды на спасение последних европейских провинций.

На тот момент османское правительство возглавлял либеральный премьер-министр Камиль-паша. Поскольку между иттихадистами и либералами существовало давнее непримиримое соперничество, Камиль-паша намеренно исключил представителей «Единения и прогресса» из своего кабинета. Столкнувшись с угрозой неминуемого поражения в войне, либералы и иттихадисты также заняли диаметрально противоположные позиции. Либералы выступали за заключение перемирия, чтобы избежать дальнейших территориальных потерь и защитить Стамбул. А их противники призывали к возобновлению войны, чтобы вернуть важнейшие османские территории, в первую очередь Эдирне. Поскольку иттихадисты яростно

критиковали правительство и его методы ведения военных действий, Камиль-паша приказал принять строгие меры в отношении отделений «Единения и прогресса», закрыл партийные газеты и арестовал ряд ведущих членов партии.

Вернувшись из Ливии в Стамбул, Энвер оказался в эпицентре военной и политической напряженности. «Я обнаружил крайне враждебную атмосферу, – писал он в конце декабря 1912 года. – Члены кабинета и военный министр были очень дружелюбны, но я знал, что их шпионы следуют за мной по пятам». Посетив несколько раз фронт в Чаталдже, он пришел к убеждению, что османы находятся в гораздо лучшем положении, чем болгары. Неудивительно, что Энвер стал активным сторонником продолжения войны и освобождения Эдирне. «Если кабинет сдаст Эдирне без боя, я уйду из армии и начну открыто призывать к войне. Я не знаю – вернее, не хочу говорить, – на что я буду способен в такой ситуации»^[28].

Убежденный в том, что Камиль-паша готовится заключить мирное соглашение и отдать Эдирне иностранцам, Энвер решил действовать. Двадцать третьего января 1913 года десять вооруженных заговорщиков галопом промчались по мощеным улицам Стамбула к воротам Блистательной Порты. Устроив перестрелку с охраной великого визиря, Энвер и его люди ворвались в зал заседаний кабинета министров. Четыре человека, в том числе военный министр Назим-паша, были убиты, после чего Энвер приставил пистолет к голове Камиль-паши и потребовал от того уйти в отставку. «Все было кончено в четверть часа», – впоследствии писал он. Затем Энвер отправился во дворец к султану Мехмеду V, чтобы сообщить ему о перевороте и добиться назначения нового великого визиря. Им стал опытный государственный деятель и бывший генерал Махмуд Шевкет-паша, которому султан поручил сформировать правительство национального единства. Уже через четыре часа после «налета на Блистательную Портю» было назначено новое правительство, которому предстояло восстановить политическую стабильность в расколотой войной Османской империи^[29].

Несмотря на то, что именно иттихадисты инициировали государственный переворот и свержение правительства Камиль-паши, партия «Единение и прогресс» не использовала эту возможность, чтобы взять политическую власть в свои руки. Махмуд Шевкет-паша поддерживал ее идеи, но сам не принадлежал к этой партии. Новый великий визирь решил создать непартийную коалицию, чтобы принести стабильность и единство на смену политической раздробленности и военным катастрофам недавнего прошлого. В результате всего три иттихадиста получили портфели в его кабинете, и все трое – с весьма умеренными взглядами. Будущий османский «триумvirат» – Талаат, Энвер и Джемаль – пока остался вне правительства. Джемаль согласился занять пост военного губернатора Стамбула, Талаат продолжил деятельность в качестве генерального секретаря «Единения и прогресса», а Энвер отправился на войну.

Третьего февраля 1913 года истек срок действия перемирия, и, поскольку между воюющими сторонами не было достигнуто никаких мирных договоренностей, военные действия возобновились – с пагубными последствиями для Османской империи. Не имея возможности помочь своим находившимся в осаде городам на территории Европы, османы беспомощно наблюдали за тем, как они, один за другим, сдавались под натиском амбициозных балканских государств. Шестого марта греки захватили македонский город Янина (Иоанина в современной Греции). Черногорская армия осадила османских защитников в Шкодре (Шкодер в современной Албании). Но самый жестокий удар был нанесен болгарами, которые 28 марта вынудили умирающих от голода защитников Эдирне капитулировать и сдать город врагу. Это событие вызвало глубокий национальный кризис по всей Османской империи.

Немедленно после падения Эдирне Махмуд Шевкет-паша объявил о готовности заключить мир. В конце мая в Лондоне были возобновлены переговоры между Османской империей и Балканским союзом, в результате которых 30 мая 1913 года при посредничестве Великобритании был заключен мирный договор. В соответствии с Лондонским мирным договором, проигравшая Османская империя уступала союзникам территорию 155 400 кв. км с населением

почти 4 млн человек, теряя все свои европейские владения за исключением небольшой части Восточной Фракии, прилегавшей к Стамбулу, восточнее линии Мидия – Энос. Как и в итало-турецкой войне, османы снова потерпели полное поражение.

Утрата Ливии не шла ни в какое сравнение с потерей Албании, Македонии и Фракии. Отвоєванные у Византийской империи пять столетий назад, эти европейские территории были экономическим и административным центром Османского мира. Это были одни из самых развитых и процветающих вилайетов империи. Потеря доходов от этих провинций усугубила и без того тяжелое положение османской казны, истощенной Первой Балканской войной. Правительству нужно было обеспечить жильем тысячи беженцев, которые были вынуждены покинуть свои дома и теперь жили в переполненных лагерях, где свирепствовала нищета и болезни. Кроме того, огромные средства шли на восстановление османской армии, понесшей значительные потери в ходе двух неудачных войн.

Но, пожалуй, самой серьезной проблемой, с которой столкнулись османы, стало моральное состояние общества. Проиграть войну относительно развитой европейской державе, такой как Италия, разумеется, было досадно, однако куда труднее было смириться с поражением от мелких балканских государств, которые некогда были частью империи. «Болгары, сербы и греки были нашими подданными на протяжении пяти веков. Нас победили те, кого мы презирали, – писал Юсуф Акчура, один из младотурецких идеологов. – Эта реальность, которую мы не могли представить себе даже в фантазиях, должна открыть нам глаза... если мы еще не окончательно мертвы». В XIX веке европейские пессимисты прозвали Османскую империю «больным человеком Европы». И после окончания Первой Балканской войны даже самые оптимистичные из младотурок не могли бы поручиться в том, что этот «больной человек Европы» не находится при смерти^[30].

Поражение в войне поляризовало политическую ситуацию в Стамбуле. Партия «Единение и прогресс» оправдывала совершенный ею государственный переворот и свержение либерального правительства Камиль-паши в январе 1913 года как необходимую меру, чтобы предотвратить потерю Эдирне. Теперь же, после падения Эдирне, либералы были полны решимости свести старые счеты и покончить с иттихадистами как с политической силой. Джемаль, один из лидеров «Единения и прогресса» и военный губернатор Стамбула, использовал свою обширную сеть агентов, чтобы следить за всеми, кого он подозревал в заговоре против стоящего вне партий правительства. Но, несмотря на все усилия, ему не удалось защитить великого визиря. Одиннадцатого июня, всего через несколько дней после подписания Лондонского мирного договора и потери Эдирне, боевики застрелили Махмуда Шевкет-пашу за стенами Блистательной Порты.

Иттихадисты умело воспользовались смятением, вызванным убийством великого визиря, в своих политических интересах. В ходе начатой Джамалем «чистки» либералы раз и навсегда были устранены с политической арены. Многих из них арестовали, 12 лидеров партии немедленно предали суду и казнили уже 24 июня, а ряд ведущих деятелей оппозиции, находившихся за рубежом, заочно приговорили к смертной казни. Еще десятки либералов и оппозиционеров были отправлены в ссылку. Устранив своих оппонентов, иттихадисты наконец-то оказались у власти. Если после революции 1908 года младотурки побоялись взять правление страной в свои руки, то теперь они созрели для этого ответственного шага.

В июне 1913 года султан поручил Саиду Халим-паше, иттихадисту и члену египетской королевской семьи, сформировать новое правительство. Впервые в истории влиятельные фигуры младотурецкого движения получили ключевые посты в османском правительстве. Энверу, Талаату и Джемалю был дарован титул «паша», который носили высшие гражданские и военные чиновники Османской империи. Талаат-паша получил кресло министра внутренних дел. Энвер-паша, став одним из самых влиятельных армейских генералов, в январе 1914 года был назначен военным министром. Джемаль-паша остался губернатором Стамбула. Начи-

ная с 1913 года эта тройка фактически стала правящим триумvirатом Османской империи, власть которого превосходила власть самого султана и его великого визиря (османского премьер-министра).

Младотурки стали фактически безальтернативной политической силой после того, как в июле 1913 года, уже при их правительстве, империя вернула себе Эдирне. По сути, это было подарком от балканских соперников Болгарии. Непрочным договоренностям по поводу дележа территорий, заключенным между собой победившими балканскими государствами после Первой Балканской войны, был положен конец, когда европейские державы признали объявление независимости Албанией. В первую очередь создание независимой Албании поддержали Австрия и Италия, которые рассматривали ее как буферное государство для сдерживания Сербии, способное помешать ей стать новой морской державой на Адриатике. Европейские страны вынудили Сербию и Черногорию уйти с албанских территорий, захваченных ими в ходе Первой Балканской войны. Раздосадованные этой территориальной потерей, сербы потребовали в качестве компенсации часть македонских земель, принадлежавших Болгарии и Греции. Однако болгары были убеждены в том, что они сыграли ведущую роль в войне против османов, поэтому отказались уступать сербам какие-либо территории и отвергли предложенное Россией посредничество в этом вопросе. В ночь с 29 на 30 июня 1913 года болгары напали на позиции сербов и греков в Македонии, дав начало Второй Балканской войне.

Когда Греция и Сербия поспешно заключили военный союз с Румынией и Черногорией, Болгария оказалась одна против всех своих балканских соседей. Чтобы вести боевые действия против греков и сербов, болгарам пришлось перебросить свои войска с османской границы. Это был именно тот шанс, которого так ждал Энвер, и тем не менее, он столкнулся с сопротивлением со стороны правительства Саида Халим-паши, опасавшегося, что очередная военная авантюра может привести к окончательной гибели империи. «Если тем, на кого возложена ответственность за управление страной, не хватает смелости приказать армии вступить в бой, – писал Энвер, – я сделаю это сам, без приказов». В конце концов, Энвер добился необходимого приказа. Не теряя времени, он вместе с отрядом кавалерии и пехоты пересек демаркационную линию и двинулся в сторону Эдирне^[31].

Когда 8 июля османы подошли к Эдирне, болгарская сторона встретила их интенсивным огнем. Энвер остановил войска, начал переговоры с болгарам и убедил их оставить город. Уже на следующий день он вступил в Эдирне, не встретив никакого сопротивления. Отправив кавалерийский отряд преследовать отступающих болгар, он занялся укреплением османских позиций в опустошенном войной городе. Радость победы омрачалась потрясением от зрелища гуманитарной катастрофы, которую османские солдаты увидели в освобожденном Эдирне. «Мы увидели нищих турок, прячущихся в своих разрушенных домах, – писал Энвер, – стариков с чудовищными шрамами, переполненные сиротами приюты. На каждом шагу мы сталкивались со следами зверств»^[32].

В течение июля османские войска отвоевали большую часть Восточной Фракии, а Болгария потерпела окончательное поражение от своих балканских соседей и 10 августа подписала мирный договор. Эдирне и Восточная Фракия остались в руках османов. Энвер снова стал национальным героем, присвоив к своему званию «героя свободы» еще один – «освободитель Эдирне». Эта победа вызвала эйфорию по всей империи. И благодаря своей роли в обеспечении этого военного триумфа после череды стольких унижительных поражений иттихадисты получили беспрецедентную поддержку населения. Весь мусульманский мир прославлял подвиг Энвера, который упивался своим последним триумфом. «Я счастлив, как ребенок, – признался он своему немецкому другу Гансу Хуманну, – и горжусь тем, что оказался тем самым человеком, который всего за одну ночь сумел вернуть стране Эдирне»^[33].

Между тем вынужденный управлять страной в условиях войн и серьезных политических потрясений младотурецкий режим не сумел воплотить в жизнь либеральные идеалы револю-

ции 1908 года. Иттихадисты реагировали на внешние угрозы и внутренние вызовы ужесточением контроля над провинциями, оставшимися под османским владычеством. Правительство приняло ряд мер, направленных на борьбу с центростремительными силами, пытавшимися разорвать империю на части, за счет более эффективной централизации власти. Верховенство закона, в том числе такие непопулярные меры, как налогообложение и воинская повинность, насаждались во всех провинциях без исключения с одинаковой строгостью. Турецкий был признан единственным официальным языком Османской империи, на котором отныне должны были общаться государство и его граждане.

Эти меры по централизации власти были направлены в первую очередь на арабские провинции – чтобы помешать возникновению в них сепаратистских националистических движений, способных привести к развитию балканского сценария. После 1909 года арабский язык начал активно вытесняться турецким в школах, залах суда и правительственных учреждениях в вилайетах Сирии и Ирака. Все более-менее высокие государственные посты доставались турецким чиновникам, а опытные арабские служащие были вынуждены довольствоваться низшими должностями. Как и следовало ожидать, эти непопулярные меры заставили многих прежде лояльных арабских подданных разочароваться в авторитарном режиме младотурков и начать создавать организации гражданского общества, выступающие против принудительного «отуречивания». До начала Первой мировой войны эти проарабские общества не преследовали националистических целей и требовали расширения культурных и политических прав арабского населения в рамках Османской империи. Однако с началом войны все больше арабских активистов начали говорить о независимости.

Такие проарабские общества появлялись не только в арабских провинциях, но и в Стамбуле. Депутаты парламента арабского происхождения принимали активное участие в работе стамбульского «Общества арабо-османского братства» и «Литературного клуба», занимавшихся обсуждением вопросов культуры. В Бейруте и Басре возникли «Общества реформ», а в Багдаде открылся «Национальный научный клуб». Эти организации действовали открыто, и османские власти были хорошо осведомлены об их деятельности, держа их под контролем тайной полиции^[34].

Между тем два наиболее влиятельных общества по защите интересов арабских народов были созданы вне пределов досягаемости османских цензоров и полиции. «Общество молодых арабов», также известное как «Аль-Фатат» (от его арабского названия Аль-Джам'ийа аль-'Арабийя аль-Фатат), было основано группой сирийских мусульман в Париже в 1909 году. «Аль-Фатат» ставило своей целью обеспечение полного равенства арабов и турок и создание двунационального турецко-арабского государства по образцу Австро-Венгерской империи. Как вспоминал один из основателей общества Тауфик аль-Нагур: «Арабы и турки – две великие нации в составе Османской империи. Мы хотели, чтобы арабские подданные имели абсолютно такие же права и обязанности, что и турки»^[35].

В 1912 году группа сирийских иммигрантов-единомышленников организовала в Каире так называемую Османскую партию децентрализации. Эти каирские активисты резко критиковали политику централизации, проводившуюся младотурецким правительством, и утверждали, что, учитывая все этническое и расовое разнообразие Османской империи, единственный способ эффективно управлять такой страной – это внедрение федеративной системы, предусматривающей значительную степень автономии ее федеральных субъектов. В качестве образца для подражания они приводили Швейцарию с ее децентрализованной системой власти и автономными кантонами. Вместе с тем Партия децентрализации выступала за единство империи как Османского султаната, а также за использование турецкого языка наряду с местными языками во всех провинциях.

Иттихадисты наблюдали за быстрым распространением проарабских обществ с растущей тревогой. В разгар войны на Балканах младотурецкий режим не был готов идти на какие-либо

компромиссы в вопросах децентрализации власти или установления двойной монархии. Когда в феврале 1913 года «Бейрутское общество реформ» опубликовало манифест с призывом к административной децентрализации, власти действовали решительно: 8 апреля 1913 года полиция закрыла все отделения общества и приказала расформировать организацию. Влиятельные члены общества призвали к общегородской забастовке и организованной подаче петиций великому визирю с протестом против закрытия общества. Несколько активистов были арестованы за агитацию, что спровоцировало в Бейруте глубокий политический кризис, длившийся неделю, пока заключенные не были выпущены на свободу и забастовка не была доведена до конца. Но «Бейрутское общество реформ» так больше и не открыло свои двери, и его члены были вынуждены встречаться тайно, поскольку отныне арабское националистическое движение ушло в подполье.

Столкнувшись с растущим противодействием со стороны османских властей, арабские активисты обратились за помощью к международному сообществу. Члены «Аль-Фатат» решили провести во французской столице всеобщий съезд, чтобы, не опасаясь репрессий, обсудить политические вопросы и привлечь внимание других государств к своим требованиям. Приглашения были разосланы арабским организациям гражданского общества в Османской империи, Египте, Европе и Америке. Несмотря на все старания османского посла во Франции помешать проведению этого мероприятия, 23 делегата из арабских провинций империи – 11 мусульман, 11 христиан и один еврей – прибыли в Париж, чтобы принять участие в первом Арабском конгрессе, который открылся 18 июня 1913 года в присутствии 150 наблюдателей.

Уроженец Багдада Тауфик ас-Сувейди был одним из двух иракских делегатов, принявших участие в Арабском конгрессе (вторым был его друг еврейский делегат Сулейман Анбар, также из Багдада). Все остальные участники приехали из Сирии. Сувейди совсем недавно заинтересовался арабским национальным вопросом. «Я знал, что я – османский мусульманин арабского происхождения, – позднее вспоминал он. – Но я почти не осознавал себя арабом». Свободно говоря на турецком, Сувейди получил юридическое образование в Стамбуле и в 1912 году переехал в Париж, чтобы продолжить образование. В Париже он познакомился с группой арабских активистов, которые «сильно повлияли» на его политические взгляды. Сувейди вступил в «Аль-Фатат» и сыграл ключевую роль в организации Арабского конгресса^[36].

«Первый Арабский конгресс, – вспоминал Сувейди, – стал ареной для грандиозной ссоры между тремя различными фракциями». Одну фракцию составляла мусульманская арабская молодежь, которая стремилась «к полному равноправию для всех подданных Османской империи». Вторая фракция была представлена арабами-христианами, которые были «полны неприемлимой ненависти по отношению к туркам». Третью фракцию Сувейди назвал «болотом», поскольку она состояла из оппортунистов, которые «не могли сделать выбор между лояльностью туркам и лояльностью арабам» и в конце концов выбирали ту сторону, которая успешнее продвигала их материальные интересы.

За шесть дней конгресса делегаты договорились по поводу десяти резолюций, составивших основу их программы реформ. Они потребовали предоставления арабам политических прав и возможности активно участвовать в административном управлении Османской империей через децентрализацию власти. Они также потребовали, чтобы арабский был признан официальным языком империи наряду с турецким и чтобы арабским депутатам было разрешено говорить в парламенте на родном языке. Наконец, они потребовали, чтобы арабские призывники проходили военную службу в родных провинциях, «за исключением чрезвычайных обстоятельств». Конгресс также принял резолюцию, выражавшую «понимание и поддержку требований османских армян в отношении децентрализации власти» – что вызвало серьезную озабоченность в Стамбуле. Делегаты разослали свои резолюции Порте и правительствам дружественных Османской империи государств. В ночь на 23 июня конгресс завершил свою работу.

Арабские активисты едва ли могли выбрать более неудачный момент для переговоров с младотурками: 30 мая османы подписали Лондонский мирный договор, завершивший Первую Балканскую войну, по которому империя теряла Албанию, Македонию и Фракию, а 11 июня был застрелен великий визирь Махмуд Шевкет-паша. Когда открылся Парижский конгресс, иттихадисты как раз занимались «чисткой» правительства от своих либеральных оппонентов, чтобы впервые в истории взять власть в стране в свои руки. Однако встреча в Париже представляла собой слишком явную угрозу, чтобы ее можно было проигнорировать. Если бы османы не отреагировали, арабские активисты почти наверняка обратились бы за поддержкой к европейским державам, и в первую очередь к Франции, которая не скрывала своих интересов в Сирии и Ливане.

Чтобы ограничить возможные негативные последствия, младотурки направили своего генерального секретаря Мидхата Шюкрю провести переговоры с участниками конгресса и принять согласованную программу реформ. Тауфик ас-Сувейди с подозрением отнесся к миссии Мидхата Шюкрю, который, по его словам, «встречался с представителями "болота" с явной целью переманить их на сторону османского правительства». Имперским переговорщикам удалось заключить соглашение о реформах, которое в определенной степени учитывало резолюции Арабского конгресса. Так, Парижское соглашение предусматривало расширение участия арабов в управлении империей на всех уровнях, более широкое использование арабского языка и гарантию того, что отныне «призывники будут проходить военную службу в близлежащих областях»^[37].

Порта пригласила делегатов Арабского конгресса в Стамбул, чтобы отпраздновать Парижское соглашение. Приглашение приняли всего три делегата, которых в имперской столице ожидал теплый прием. Они встретились с наследным принцем, султаном Мехмедом Решадом, великим визирем Саидом Халим-пашой, а также правящим триумvirатом – Энвером, Талаатом и Джемалем. В их честь устраивали торжественные обеды, а самые высокопоставленные члены османского правительства произносили теплые слова о турецко-арабском братстве.

Однако роскошные обеды и любезные речи не могли скрыть того факта, что османское правительство ничего не делало для проведения согласованных реформ на арабских землях. По словам Тауфика ас-Сувейди: «Те, кто был знаком с внутренней ситуацией в Османской империи, считали это не более чем отвлекающим маневром, чтобы потянуть время и, когда наступит подходящий момент, свести счеты с организаторами Арабского конгресса». В сентябре 1913 года делегаты вернулись в Бейрут с пустыми руками. Все надежды и чаяния, порожденные конгрессом и последующей реакцией на него османского правительства, пошли прахом, и, судя по всему, как и предполагал Сувейди, османы взяли всех арабских активистов на мушку. В течение трех лет после проведения Арабского конгресса многие из них были осуждены за свою политическую деятельность и приговорены к смертной казни^[38].

За пять лет, с 1908 по 1913 год, Османская империя пережила революцию, три войны с иностранными державами и множество внутренних беспорядков, от серии массовых убийств на фоне межконфессиональной вражды до восстаний сепаратистов, каждое из которых создавало непосредственную угрозу дальнейшего иностранного вмешательства. Потери, понесенные Османской империей в этот период, были поистине колоссальны. Она лишилась своих последних владений в Северной Африке и на Балканах вместе с их многомиллионным населением, уступив их европейским странам. Порожденная этими событиями чрезвычайная ситуация заставила османских реформаторов отказаться от либерализма в отчаянной попытке спасти империю от полного развала. Конституционное движение 1908 года, бросившее вызов султанскому абсолютизму, к концу 1913 года под влиянием череды глубоких кризисов переродилось в еще более автократический режим с правящим триумvirатом – тремя иттихадистами-идеалистами Энвером, Талаатом и Джемалем – во главе страны.

Освобождение Эдирне дало Османской империи новую надежду на лучшее будущее. Османская армия доказала свою способность вернуть утраченные земли. «Отныне у нас есть армия, которой можно доверить защиту интересов страны, – ликовал Энвер, – армия, которая стала в тысячу раз более боеспособной, чем в начале этой удручающей войны, несмотря на все понесенные нами поражения». И хотя империя продолжала оплакивать свои территориальные потери в Северной Африке и на Балканах, она сохранила значительную по площади консолидированную территорию, охватывавшую турецкие и арабские провинции. Внутренняя связанность и закономерность существования такой азиатской мусульманской империи потенциально делали ее более устойчивой к внутренним и внешним вызовам по сравнению с прежней Османской империей^[39].

Возлагая надежды на лучшее будущее, младотурки, однако, хорошо осознавали, какие внутренние и внешние вызовы стояли перед империей. Они опасались того, что арабы могут не устоять перед призывами националистов, и рассматривали требования армян как угрозу существованию империи. Провинции в Восточной Анатолии, которые были в центре внимания армянских реформаторов, поддерживаемых европейскими державами, представляли собой жизненно важный центр Османской империи. Тесное взаимодействие между армянскими общинами по обе стороны русско-турецкой границы усугубляло опасность армянского сепаратизма.

Но главной угрозой для выживания Османской империи младотурки считали Россию. Имея территориальные притязания на земли в Восточной Анатолии, на проливы и даже на сам Стамбул, Россия открыто добивалась распада своего соседа. Османы понимали, что сдержать амбиции этой могущественной державы им под силу только в партнерстве с другими дружественными европейскими странами. Таким образом, Османская империя вступила в роковой 1914 год в поисках оборонительного союза. И эти поиски в результате привели османов к участию в очередной – Первой мировой – войне.

2. Мир перед Великой войной

Весна 1914 года породила новую волну оптимизма в Османской империи. Победа во Второй Балканской войне и возвращение Эдирне и Восточной Фракии привели к мощному подъему духа нации. После череды суровых военных лет с их застоем и затягиванием поясов османская экономика стала главным бенефициаром возвращения к мирной жизни. Помещики прогнозировали рекордные урожаи. В городах по всем турецким и арабским провинциям начался строительный бум. После того как морские пути были очищены от военных кораблей и мин, торговля возобновилась с новой силой. С расширением внешней торговли в страну пришли новейшие изобретения, которые менее чем в течение года были поставлены на службу военным целям.

С наступлением автомобильной эпохи от прежнего спокойствия стамбульских улиц не осталось и следа. До 1908 года автомобили в Османской империи были запрещены. После Младотурецкой революции этот запрет был снят, однако первые автолюбители сталкивались со множеством препятствий. Улицы в империи были большей частью немощеными. Гаражей, где можно было отремонтировать автомобили и заправить их горючим, явно не хватало, и находились они на большом расстоянии друг от друга. Не существовало никаких правил дорожного движения, поэтому водителям приходилось спорить друг с другом по самым элементарным вопросам, например по какой стороне дороги они должны ехать. Неудивительно, что после 1908 года в Османской империи было продано очень мало автомобилей. К концу 1913 года, когда по дорогам Соединенных Штатов уже ездило больше миллиона машин, по оценкам сотрудников американского консульства, во всей Османской империи их насчитывалось не более 500 – 250 из них в Стамбуле. В удаленных провинциальных городах, таких как Багдад, количество автомобилей можно было сосчитать на пальцах одной руки. Но к середине 1914 года на улицах имперской столицы появились первые пробки, и «многочисленные лимузины, гоночные автомобили, грузовики, автофургоны и машины скорой помощи» начали активную борьбу за пространство^[40].

В эпоху младотурок в Османской империи появились и первые самолеты. В те времена авиация находилась еще в зачаточном состоянии: братья Райт провели свой первый успешный полет на механическом аппарате тяжелее воздуха всего несколько лет назад, в декабре 1903 года. Шесть лет спустя один из пионеров авиации Луи Блерио приехал в Стамбул, чтобы продемонстрировать чудеса летного искусства. Блерио прославился тем, что 25 июля 1909 года совершил на моноплане перелет через Ла-Манш, и в Стамбуле с нетерпением ожидали его визита. Однако из-за сильного ветра самолет Блерио врезался в крышу дома, и следующие три недели пилот провел в местной больнице, восстанавливаясь от полученных травм^[41].

В 1911 году османы отправили учиться в Европу своих первых летчиков. В 1914 году турецкие авиаторы начали осваивать небо над Османской империей. В феврале лейтенант Фетхи-бей в сопровождении одного из помощников Энвер-паши – Садык-бея попытался совершить перелет из Стамбула через Анатолию и Сирию в Египет. Их самолет, который был сконструирован Блерио и назывался «Муавенет-и Миллие» («Народная поддержка»), преодолел расстояние 40 км из Тарсуса до Адана за 20 минут со скоростью свыше 96 км/час. Собравшиеся на земле толпы людей приветствовали пролетающий самолет аплодисментами. Летчикам удалось долететь до Дамаска, но по пути к Иерусалиму у самолета возникли проблемы с двигателем, и он врезался в гору к востоку от Галилейского моря. Оба пилота разбились, став первыми турецкими летчиками, погибшими на военной службе. Фетхи-бей и Садык-бей были похоронены рядом с могилой легендарного Саладина в Мечети Омейядов в Дамаске. Вторая воздушная миссия закончилась столь же печально. И только третьему экипажу – Салим-бею

и Кемаль-бею – с очередной попытки удалось совершить перелет из Стамбула в Египет в мае 1914 года^[42].

В июне 1914 года американский авиатор Джон Купер продемонстрировал в Стамбуле перед тысячами зрителей возможности летающей лодки «Кертис» (прототип гидросамолета). Поднявшись в воздух с поверхности Мраморного моря, он пролетел 24 км на средней высоте 300 м и приземлился в водах Босфора между европейской и азиатской частями Стамбула. На этой демонстрации присутствовали члены правительства, парламента и семьи султана. Затем Купер совершил семь рейсов с главными османскими сановниками на пассажирском сиденье, как писал один из очевидцев, «на фоне аплодисментов и искреннего восторга зрителей, для большинства из которых такого рода авиация была совершенно в новинку». На следующий день все крупнейшие стамбульские газеты напечатали рассказ и фотоотчет об этом событии^[43].

Распространение механизированного транспорта усиливало чувство оптимизма, охватившее Османскую империю весной 1914 года. В мае османское правительство договорилось о предоставлении Францией государственного займа в размере \$100 млн, что дало ему средства на реализацию крупных государственных проектов, которые должны были обеспечить электричеством, уличным освещением, городскими трамваями, междугородним железнодорожным сообщением и современными портами все провинции империи. Известие о французском займе подогрело всеобщие ожидания в отношении коммерческого и промышленного бума.

Французский заем стал итогом мирных переговоров, инициированных при посредничестве европейских держав для урегулирования разногласий, оставшихся между Османской империей и ее соседями после балканских войн. Вливание французского инвестиционного капитала сулило перспективу реального экономического роста и было для османов мощным стимулом, чтобы смириться с территориальными потерями в Албании, Македонии и Фракии. Но даже после подписания всех мирных соглашений и достижения договоренности по французскому займу между Стамбулом и Афинами остались нерешенными серьезные вопросы.

По условиям Лондонского мирного договора 1913 года, завершившего Первую Балканскую войну, три бывших османских острова в Эгейском море отошли к Греции. Острова Хиос и Митилини (Лесбос), расположенные на подходе к Смирне (современному Измиру), находились в пределах видимости от материковой части Турции. А остров Лемнос с его глубоководным портом Мудрос от пролива Дарданеллы отделяли меньше 80 км. Порты не могли смириться с потерей этих островов и доминированием Греции в турецких прибрежных водах. В то время как османские дипломаты пытались заручиться европейской поддержкой и вернуть эти эгейские острова империи путем переговоров, османские военные стратеги предприняли важный шаг, чтобы изменить баланс военно-морских сил в восточной части Средиземноморья.

В августе 1911 года османское правительство заказало британским судостроителям Vickers Limited и Armstrong Whitworth два современных дредноута, которые должны были сойти со стапелей в июле 1914 года. Заказы были размещены в рамках британской военно-морской миссии по содействию модернизации османского флота. Названные «Султан Осман» и «Решадие» в честь основателя Османской империи и правящего султана Мехмеда Решада, эти корабли легли непосильным бременем на османскую казну. Поэтому правительству пришлось воззвать к османскому патриотизму и начать кампанию по публичному сбору средств, за счет которых и была в значительной степени профинансирована их постройка. Турецких школьников призывали жертвовать свои карманные деньги, а повсюду на городских площадях появились стойки для сбора средств, где за внос пять пиастров и больше лояльным гражданам предлагалось забить гвоздь в массивный деревянный блок. Корабли стали предметом гордости для османов, надеждой на восстановление военно-морских сил империи после поражения в Ливии и Первой Балканской войне. Но Россия и Греция наблюдали за происходящим с растущей тревогой. К весне 1914 года строительство дредноутов близилось к завершению. Эти

мощные линкоры должны были обеспечить османскому флоту преимущество над российским черноморским флотом и греческим флотом в Эгейском море.

Спор по поводу островов в Эгейском море и скорое завершение строительства dreadnoughtов создавали реальную угрозу войны между Грецией и Турцией. Официальные лица в Греции призывали к превентивному удару, чтобы разгромить османов, прежде чем те получат в распоряжение новые военные корабли. В ответ османы начали готовиться к очередной военной кампании и в апреле 1914 года разослали деревенским старостам по всей империи письма, где предупреждали их о возможной мобилизации и апеллировали к их лояльности исламу, тем самым породив слухи о надвигающейся войне с христианской Грецией^[44].

Перспектива возобновления войны между Грецией и Турцией прозвучала тревожным звонком для Санкт-Петербурга. Русские были обеспокоены сохранением баланса военно-морских сил не меньше, чем греки, но еще больше их заботило другое: будут ли османские воды открыты для их торгового судоходства. Пятьдесят процентов российского экспорта, в том числе 90 процентов экспорта зерна, осуществлялось через турецкие проливы. Возобновление войны в Эгейском море привело бы к их закрытию, и российский торговый флот оказался бы заперт в Черном море с катастрофическими последствиями для российской экономики. Поэтому Россия приложила все дипломатические усилия к тому, чтобы не дать Греции вступить в войну с Турцией, одновременно оказывая давление на Великобританию, чтобы задержать поставку кораблей для турецкого флота^[45].

Российская дипломатия преследовала в том числе и скрытые цели. Убежденное в неминуемом распаде Османской империи, царское правительство хотело заявить свои права на территории, имевшие стратегическое значение для России, при будущем разделе османских земель европейскими державами. Приоритетами для России было возвращение Константинополя в лоно православного христианства спустя почти пять веков турецкого мусульманского владычества, а также получение контроля над проливами, связывающими российские черноморские порты со Средиземным морем. Таким образом, Санкт-Петербург был решительно настроен на предотвращение любой войны, в результате которой вожаемые османские территории могли бы оказаться в руках греков или болгар. В феврале 1914 года российский совет министров провел заседание, чтобы обсудить перспективы завоевания Константинополя и проливов, и пришел к выводу, что наиболее благоприятная возможность для этого возникнет в контексте общеевропейской войны. В апреле 1914 года царь Николай II утвердил рекомендации своего кабинета и поручил правительству предпринять все необходимые подготовительные меры для того, чтобы при первой же возможности захватить Стамбул и проливы^[46].

Планируя оккупацию османской столицы, русские также хотели укрепить свои позиции в Восточной Анатолии. Восточные окраины Османской империи граничили с очень нестабильными российскими провинциями на Кавказе и открывали доступ к северо-западному Ирану, где Россия боролась за влияние с Великобританией. Кроме того, Восточная Анатолия состояла из шести вилайетов – Эрзурума, Вана, Битлиса, Харпута (Элязыга), Диярбакыра и Сиваса, которые европейские державы считали «территориями, населенными армянами» и называли их Турецкой Арменией. По российскую сторону границы проживало около 1,25 млн армян, и порядка 1 млн армян жило в этих шести османских провинциях в Восточной Анатолии. Начиная с 1878 года царское правительство использовало защиту прав коренных армян как предлог для вмешательства в дела своего соседа. Притязания России на османскую территорию только усугубляли сложные отношения между турками и армянами^[47].

Напряженность между армянами и курдами вновь обострилась после Младотурецкой революции. Некоторые армяне, выжившие в ходе серии массовых убийств 1890-х годов, попытались восстановить свои права на дома и земли после революции 1908 года. Однако курдские племена, занявшие брошенные армянами деревни, отказались возвращать собственность прежним владельцам. Уже в 1909 году земельные споры между армянами и курдами привели

к насильственному противостоянию, в котором курды взяли верх. Кочевые курды были вооружены гораздо лучше оседлых армян, да и османские чиновники в большинстве случаев занимали сторону мусульман-курдов, а не армян-христиан. Ситуация обострилась, когда османские войска были передислоцированы из Восточной Анатолии на фронты ливийской и балканской войны и армянских призывников в 1912 году отправили на балканский фронт. Армянские крестьяне остались один на один с курдами^[48].

В июне 1913 года, воспользовавшись вакуумом власти, Россия предложила план реформ, призванный обеспечить большую автономию армянам Восточной Анатолии. Опираясь на эдикт о реформах, изданный султаном Абдул-Хамидом II в 1895 году, этот план предусматривал консолидацию шести восточных вилайетов Османской империи в две полуавтономные провинции, которые управлялись бы иностранными генерал-губернаторами, назначенными Великими державами. Также план предполагал создание провинциальных советов, состоящих из равного числа мусульманских и армянских депутатов. Европейские и османские дипломаты отнеслись к предложенному плану реформ с нескрываемым подозрением – как к прелюдии к разделу Анатолии и заявлению Россией своих прав на восточные провинции. Санкт-Петербург подкрепил свои дипломатические усилия предложением провести военную мобилизацию не только вдоль русско-турецкой границы, но и на османской территории в Эрзуруме – якобы под предлогом защиты армян. Чтобы предотвратить милитаризацию ситуации, Порта согласовала с царским правительством программу реформ, которая была подписана 8 февраля 1914 года.

Однако это соглашение только отсрочило конфликт с Россией и обострило армянский вопрос в глазах младотурецкого режима, который рассматривал план реформ как первый шаг к армянской государственности и угрозу самому существованию империи. Младотурки были полны решимости любой ценой не допустить реализации этих реформ. Талаат-паша, министр внутренних дел и член правящего триумvirата, начал разрабатывать экстренные меры по переселению армянского населения из шести восточноанатолийских вилайетов, чтобы таким образом избежать необходимости реформ^[49].

Переговоры между правительством младотурок и Россией показали, что еще недавно изолированная Османская империя превращается в арену международного противостояния, где сталкиваются интересы множества могущественных держав. Порта хорошо осознавала опасность, которую представляла собой Россия для территориальной целостности империи. Если раньше османы могли полагаться на влияние Великобритании или Франции, которые могли держать амбиции русских в узде, отныне эти три державы были союзниками по Антанте. Лишившись поддержки своих бывших друзей в столь опасные времена, Османская империя нуждалась в новом сильном друге. И главным кандидатом на эту роль была Германия.

Германо-османская дружба имела довольно глубокие корни. В 1898 году кайзер Вильгельм II посетил Османскую империю с государственным визитом. Начав со Стамбула, он объехал многие турецкие и арабские провинции, посетил крупнейшие города и исторические места. В Дамаске кайзер поклялся в вечной дружбе Османской империи и мусульманскому миру в целом: «Пусть султан и триста миллионов магометан, разбросанных по земле и почитающих его как халифа, будут уверены в том, что германский император во все времена останется их другом»^[50].

Разумеется, эта декларация дружбы носила не совсем бескорыстный характер. В партнерстве с османами Вильгельм увидел благоприятную возможность для расширения влияния Германии в ее соперничестве с более старой и устоявшейся Британской империей. Вильгельм считал, что дружба с османским султаном, который в своей роли халифа, или преемника пророка Мухаммеда, также являлся духовным лидером мировой мусульманской общины, побудит мусульман во всем мире больше симпатизировать Германии, нежели другим европейским державам. А поскольку в те времена под британским правлением в Индии, Египте и регионе Персидского залива находилось более 100 млн мусульман, Германия видела в исламе мощное

потенциальное оружие против англичан, которым она могла в случае необходимости воспользоваться.

Еще одним весомым мотивом для дружбы было важное стратегическое положение, которое занимала Османская империя. В период визита кайзера в Стамбул между Великобританией и Россией шло интенсивное соперничество за господство в Центральной Азии, которое получило название «Большая игра». Османские провинции в Восточной Анатолии были одновременно воротами в Персию и Центральную Азию. Это давало Германии возможность вмешаться в «Большую игру» и оказывать давление на Великобританию и Россию через союз с османами.

Наконец, поскольку южные рубежи Османской империи достигали Персидского залива, Германия рассчитывала посягнуть на эти ревниво охраняемые британцами воды. В течение XIX века британцы умело сдерживали амбиции османов и других европейских держав при помощи системы «исключительных соглашений», которые связывали жесткими обязательствами перед британской короной арабских правителей в шейхствах Договорного Омана (ныне Объединенные Арабские Эмираты), Омане, Катаре, Бахрейне и Кувейте. Сразу же после визита кайзера в Османскую империю в 1898 году Германия решила воспользоваться своими новыми партнерскими отношениями с османами, чтобы бросить вызов британской монополии в Персидском заливе посредством железной дороги, соединяющей Берлин и Багдад.

В декабре 1899 года Германия получила концессию на строительство железной дороги на территории Турции от Коньи до Багдада и от Багдада до Басры на берегу Персидского залива. Строительство началось в 1903 году; в 1914 году дорога связала Стамбул с Анкарой и со Средиземноморским побережьем недалеко от Аданы. Однако строители столкнулись с непредвиденными трудностями в двух горных цепях в Киликии и отстали от графика. В результате, тогда как большая часть дороги в Анатолии была введена в эксплуатацию, значительные участки в Сирии и Ираке еще были далеки от завершения^[51].

Первый поезд отправился со станции в Багдаде 1 июня 1914 года без особой шумихи. Железнодорожная линия протянулась на 60 км на север до безлюдной области Сумайха посреди пустыни. Не смутившись отсутствием публичного интереса к «поезду в никуда», железнодорожная компания распечатала расписание движения поездов и распространила его среди государственных учреждений, иностранных консульств, отелей и клубов. Работы продолжались, и к октябрю 1914 года дорогу довели до города Самарра на берегу реки Тигр. Теперь раз в неделю в 10 часов утра из Багдада в Самарру отправлялся поезд, который преодолевал расстояние 120 км за 4 часа, со средней скоростью 30 км в час. Обратный поезд отправлялся в Багдад каждый четверг также в 10 утра. Хотя прямое сообщение между Багдадом и Берлином пока оставалось отдаленной мечтой, этот проект способствовал укреплению отношений между Германией и Османской империей в эти беспокойные для европейского континента времена^[52].

Укрепление связей между Берлином и Стамбулом и отправка германской военной миссии в Османскую империю в конце 1913 года спровоцировали кризис в отношениях двух стран с остальной Европой. Великий визирь Саид Халим-паша обратился к кайзеру Вильгельму II с просьбой направить в Османскую империю группу немецких офицеров под командованием опытного генерала, чтобы оказать помощь в реформировании и реорганизации османской армии после балканских войн. Кайзер выбрал для этого прусского генерала Отто Лимана фон Сандерса, который в то время командовал 22-й дивизией немецкой армии в Касселе. Тот много лет прослужил в Генеральном штабе и много путешествовал, однако до сего момента судьба никогда не сводила его с османами. Тем не менее Лиман без колебаний принял назначение и уже в середине декабря 1913 года сел на поезд до Стамбула.

Вскоре после прибытия Лиман встретился с султаном Мехмедом Решадом, великим визирем и правящим триумvirатом младотурок. Немецкий генерал был впечатлен «личным

обаянием» министра внутренних дел Талаат-паши и заметил, что Джемаль-паша, командующий Первым армейским корпусом, «сочетал замечательный интеллект с весьма решительным настроением». Однако он почти сразу же поссорился с Энвером. Очевидно, что Энвер, которого всего несколько месяцев назад прославляли как «освободителя Эдирне», был возмущен тем фактом, что отныне османская армия будет подчиняться какому-то немцу. Между тем Лиман, хотя и подверг резкой критике плачевное состояние, в котором он обнаружил османскую армию, – с ее недоедающими нищими солдатами, вынужденными ходить в рваной форме и жить в зловонных казармах, – не винил в этом Энвера. Скорее, немецкий генерал считал, что Энвер не соответствовал занимаемому им высокому посту, учитывая его способности и опыт. Он открыто высказал свое мнение в январе 1914 года, когда партия «Единение и прогресс» назначила Энвера военным министром. Похожего мнения придерживался и султан Мехмед Решад. Узнав из газет об этом назначении, он, казалось, повторил слова Лимана, в изумлении воскликнув: «Здесь написано, что Энвер стал военным министром. Это невыносимо, он слишком молод!»^[53]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Colonel J. M. Findlay, *With the 8th Scottish Rifles, 1914–1919* (London: Blockie, 1926), 21.

2.

Findlay, *With the 8th Scottish Rifles*, 34.

3.

Этот интернет-опрос был проведен агентством YouGov среди взрослого населения Египта, Франции, Германии, Индии, России, Турции и Великобритании в сентябре 2013 года по поручению Британского совета. Результаты опроса приведены в докладе «Мир помнит о войне: Почему глобальный охват и наследие Первой мировой войны по сей день играют столь важную роль?», Британский совет, февраль 2014 г.; <http://www.britishcouncil.org/organisation/publications/remember-the-world>.

4.

Некоторые замечательные дневники недавно были переведены с турецкого и арабского языков на европейские; см. дневник лейтенанта Мехмеда Фасиха в английском переводе: Mehmed Fasih, *Gallipoli 1915: Bloody Ridge (Lone Pine) Diary of Lt. Mehmed Fasih* (Istanbul: Denizler Kitabevi, 2001), а также дневник иерусалимского солдата Ихсана Туржмана в переводе Салима Тэль-Амари: Ihsan Turjman, *Year of the Locust: A Soldier's Diary and the Erasure of Palestine's Ottoman Past* (Berkeley: University of California Press, 2011). Также несколько лет назад вышел превосходный перевод мемуаров Фалиха Рыфкы: Falih Rifki Atay, *Le mont des Oliviers: L'empire Ottoman et le Moyen-Orient, 1914–1918* (Paris: Turquoise, 2009).

5.

Слова главы гильдии пекарей цитируются по книге: Stanford J. Shaw and Ezel Kural Shaw, *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), 2:187.

6.

Более подробно о младотурках см.: Feroz Ahmad, *The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics, 1908–1914* (Oxford: Oxford University Press, 1969); M. Sükrü Hanioglu, *Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902–1908* (New York: Oxford University Press, 2001); Erik J. Zürcher, *Turkey: A Modern History* (London: I. B. Tauris, 1993).

7.

Слова Абдул-Хамида II цитируются по книге: François Georgeon, *Abdülhamid II: Le sultan calife* (Paris: Fayard, 2003), 401.

8.

Информация об освещении в газетах взята из книги: François Georgeon, *Abdülhamid II*, 404. Слова Джемалы и Талаата цитируются по книге: Andrew Mango, *Atatürk* (London: John Murray, 1999), 80.

9.

Работа «Арабская революция» [Thawrat al-Arab] анонимного автора (Cairo: Matba`a al-Muqattam, 1916), 49.

10.

Цитируется по книге Мухаммеда Иззат Дарваза «Формирование современного арабского движения» (Muhammad Izzat Darwaza, *Nash'at al-Haraka al-'Arabiyya al-Haditha*, 2nd ed., Sidon and Beirut: Manshurat al-Maktaba al-'Asriyya, 1971), 277.

11.

Darwaza, *Nash'at al-Haraka*, 286.

12.

Zürcher, Turkey, 98.

13.

О 61-м параграфе Берлинского трактата читайте в книге: *The Middle East and North Africa in World Politics*, ed. J. C. Hurewitz (New Haven, CT: Yale University Press, 1975), 1:413–414. Также см.: Н. Ф. В. Lynch, *Armenia: Travels and Studies*, Vol. 2: *The Turkish Provinces* (London: Longmans, Green and Co., 1901), 408–411 [Линч Х. Ф. Б. «Армения: Путевые очерки и этюды». Том 2 «Турецкие провинции»].

14.

Dikran Mesob Kaligian, *Armenian Organization and Ideology Under Ottoman Rule, 1908–1914* (New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2011), 1–2.

15.

Lynch, *Armenia*, 2:157–158.

16.

Georgeon, *Abdülhamid II*, 291–295.

17.

Джемаль-паша утверждает, что в общей сложности было убито 17 000 армян; см. книгу: Djemal Pasha, *Memories of a Turkish Statesman, 1913–1919* (London: Hutchinson, n.d.), 261. По оценкам армянского депутата Зураба Эфенди, бывшего членом официальной комиссии по расследованию массовых убийств, количество убитых армян составляет порядка 20 000; см. очерк "Young Turk-Armenian Relations during the Second Constitutional Period, 1908–1914" в книге Feroz Ahmad, *From Empire to Republic: Essays on the Late Ottoman Empire and Modern Turkey* (Istanbul: Bilgi University Press, 2008), 2:186. По другим оценкам в ходе массовых убийств в Адане погибло от 10 000 до 20 000 армян; см. книгу: Kaligian, *Armenian Organization*, 36.

18.

Цитируется по книге: Zabel Essayan, *Dans les ruines: Les massacres d'Adana, avril 1909* [Забел Есаян «Среди руин: Резня в Адане, апрель 1909 года»] (Paris: Libella, 2011), перевод оригинального издания на армянском языке, впервые опубликованного в 1911 г.; с. 40.

19.

Kaligian, *Armenian Organization*, 45–47; Djemal Pasha, *Memories of a Turkish Statesman*,

20.

Более подробно об итальянском вторжении в Ливию см.: Jamil Abun-nasr, *A History of the Maghrib* (Cambridge: Cambridge University Press, 1971), 308–312; Mango, *Atatürk*, 101–111.

21.

Один из бывших османских военнослужащих утверждал, что общая численность османских гарнизонов в Ливии составляла всего 1000 человек. Итальянские источники называют цифру 4200 человек в Триполитании и Киренаике. См. диссертацию: Philip H. Stoddard, "The Ottoman Government and the Arabs, 1911 to 1918: A Preliminary Study of the Teşkilât-i Mahsusa" (PhD diss., Princeton University, 1963), 205–206n174. Также см. книгу: E. E. Evans-Pritchard, *The Sanusi of Cyrenaica* (Oxford: Oxford University Press, 1954), 104–124.

22.

M. Sükrü Hanioglu, ed., *Kendi Mektuplarında Enver Paşa* [«Энвер-паша в письмах»] (Istanbul: Der Yayinlari, 1989), 75–78.

23.

Mango, *Atatürk*, 102.

24.

Hanioglu, *Kendi Mektuplarında Enver Paşa*, 92–94. Также см. книгу: Georges Rémond, *Aux camps turco-arabes: Notes de route et de guerre en Tripolitaine et en Cyrénaïque* [Жорж Реймон, «В турецко-арабских лагерях: Заметки о путешествии и войне в Триполитании и Киренаике»], (Paris: Hachette, 1913).

25.

Hanioglu, *Kendi Mektuplarında Enver Paşa*, 148–153, 185–188, 196–198. Также см. книгу: G. F. Abbott, *The Holy War in Tripoli* (London: Edward Arnold, 1912).

26.

Abun-nasr, *History of the Maghrib*, 310.

27.

L. S. Stavrianos, *The Balkans Since 1453* (London: Hurst, 2000), 535–537.

28.

Hanioglu, *Kendi Mektuplarında Enver Paşa*, письма от 28 декабря 1912 г. и 12 января 1913 г., 216–217, 224.

29.

Энвер рассказывает о событиях 23 января в нескольких своих письмах от 23–28 января 1913 г.; Hanioglu, *Kendi Mektuplarında Enver Paşa*, 224–231. Также см. книгу: Ahmad, *The Young Turks*, 117–123.

30.

Цитируется по книге: Nniyazi Berkes, *The Development of Secularism in Turkey* (New York: Routledge, 1998), 358.

31.

Hanioglu, *Kendi Mektuplarında Enver Paşa*, 247–248.

32.

Hanioglu, Kendi Mektuplarinda Enver Paşa; письмо от 2 августа 1913 г., 249–250.

33.

Hanioglu, Kendi Mektuplarinda Enver Paşa, письмо от 2 августа 1913 г., 249–250.

34.

Более подробно о возникновении, целях и участниках этих довоенных арабских обществ см. в книгах: George Antonius, *The Arab Awakening* (London: Hamish Hamilton, 1938), 101–125; Eliezer Tauber, *The Emergence of the Arab Movements* (London: Frank Cass, 1993).

35.

Цитируется по книге: Zeine n. Zeine, *The Emergence of Arab Nationalism*, 3rd ed. (New York: Caravan Books, 1973), 84.

36.

См. мемуары Тауфика ас-Сувейди: Tawfiq al-Suwaydi, *My Memoirs: Half a Century of the History of Iraq and the Arab Cause* (Boulder, CO: Lynne Reiner, 2013), 60. Рассказ Сувейди об Арабском конгрессе см. на с. 62–68.

37.

Более подробно о Парижском соглашении см.: Tauber, *Emergence of the Arab Movements*, 198–212.

38.

Suwaydi, *My Memoirs*, 68. Абд аль-Хамид аль-Захрави, член Османской партии децентрализации, Мухаммед аль-Мимисами и Абд аль-Гани аль-Урайси, члены общества «Аль-Фатат», были казнены османскими властями в мае 1916 г.

39.

Hanioglu, Kendi Mektuplarinda Enver Paşa, письмо от 2 августа 1913 г., 249–250.

40.

Национальное управление архивов и документации [NARA], Стамбул, том 284, заместитель генерального консула США Джорж Янг «Автомобили», 3 июля 1914 г.

41.

V. A. Elliot, Blériot: *Herald of an Age* (Stroud, UK: Tempus, 2000), 165.

42.

NARA, Стамбул, том 285, вице-консул США в Мерсине генеральному консулу США в Стамбуле, 16 февраля 1914 г.

43.

NARA, Стамбул, том 285, генеральный консул США Равндал, «Успешная демонстрация летающей лодки "Кертис"», 15 июня 1914 г.

44.

NARA, Стамбул, том 282, отчет из Иерусалима от 29 апреля 1914 г., содержащий перевод записки, разосланной властями в Яффе сельским старостам на территории Палестины.

45.

Mustafa Aksakal, *The Ottoman Road to War in 1914: The Ottoman Empire and the First World War* (Cambridge: Cambridge University Press, 2008), 42–56.

46.

Michael A. Reynolds, *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011), 36–41.

47.

Justin McCarthy, *Muslims and Minorities: The Population of Ottoman Anatolia and the End of the Empire* (New York: New York University Press, 1983), 47–88. Согласно османским данным переписи населения, общая численность армян в шести указанных провинциях в 1911–1912 гг. составляла 865 000 человек, тогда как патриархат армянской церкви утверждал, что по состоянию на 1912 г. их численность превышала 1 018 млн человек. Обратите внимание, что провинция Харпут также называлась Мамурет-эль-Азиз (в современной Турции – провинция Элязыг).

48.

Roderic H. Davison, "The Armenian Crisis, 1912–1914", *American Historical Review* 53 (April 1948): 481–505.

49.

Taner Akçam, *The Young Turks' Crime Against Humanity: The Armenian Genocide and Ethnic Cleansing in the Ottoman Empire* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012), 129–135.

50.

Цитируется по книге: Sean McMeekin, *The Berlin-Baghdad Express: The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power, 1898–1918* (London: Allen Lane, 2010), 14.

51.

NARA, Стамбул, том 295, доклады из Мерсина от 3 июля 1915 г. и из Константинополя «Туннель Бахче» от 3 сентября 1915 г.; McMeekin, *The Berlin-Baghdad Express*, 233–258.

52.

NARA, Baghdad box 19, доклады консула Брисселя от 2 июня 1914 г. и 10 октября 1914 г.

53.

Слова султана приводятся в книге Отто Лимана фон Сандерса «Пять лет в Турции»: Otto Liman von Sanders, *Five Years in Turkey* (Annapolis, MD: US Naval Institute, 1927), 1–12.